

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

~~ВСЕ~~
ИСПРАВИТЬ

Павел Комарницкий

Всё исправить

«Автор»

2010

Комарницкий П. С.

Всё исправить / П. С. Комарницкий — «Автор», 2010

Этот мир несовершенен. Была ли на то воля Создателя, изначально допустившего существование Зла, или тут вмешались иные силы? Ответ на этот вопрос получить невозможно. Но можно попробовать всё исправить.

© Комарницкий П. С., 2010

© Автор, 2010

Павел Комарницкий

Все исправить

Тиамин-аденин-гуанин... Тиамин-цитозин-аденин...

Алексей откинулся в кресле, потер ладонями лицо. Нет, это невозможно... Как с этим делом справлялся Господь Бог? То, что он справился, не подлежит сомнению – иначе товарищ Чекалов не сидел бы сейчас тут и не пялился на экран монитора... или следует уже говорить «господин»?

Он усмехнулся уголком рта. Да уж, «господин»... Момент, в который все бывшие товарищи враз стали господами, его товарищ Володя Белоглазов определял четко и однозначно – 8 декабря 1991 года от Рождества Христова. День, когда Россия обрела наконец свободу и независимость... На вопрос, можно ли считать ампутацию ног актом освобождения пациента от лишних конечностей, угрюмо сопел, в сердцах обзывал Алексея «коммунярой» и порой даже уходил, не прощаясь. Уходил и возвращался, поскольку «злобная реальность» задавала примерно такие же вопросы, но в гораздо более грубой форме.

Алексей отхлебнул из кружки-термоса кофе, поморщился – кофе был дрянной, суррогат с цикорием – и вновь принялся тыкать в клавиши. На экране монитора виднелась картинка, достойная кисти какого-нибудь маститого сюрреалиста – нечто, напоминающее клубок морских водорослей, над которыми медленно вилась скрученная в спираль лестница. Двойная спираль ДНК, код жизни... Умная электронная машина мгновенно переводила данные белковой структуры, конструируемой сейчас на экране, в генетический код, последовательность нуклеотидов в цепи ДНК, так называемая «обратная транскрипция»...

Кофе в кружке, и без того не отличавшийся чересчур изысканным ароматом, остыл окончательно, приобретя какой-то полынный вкус. Молодой человек допил его залпом, поморщился. Да, конечно, «Энигма» – так называлась программа конструирования ферментов и обратной транскрипции в код ДНК – давала определенное облегчение в работе. Эту программу составил он сам. Успел перед самым увольнением-сокращением...

Ткнув Enter, Алексей откинулся на спинку стула, заложив руки за голову, и некоторое время наблюдал, как ворочается скрученная в спираль лестница, уходящая в бесконечность. Да... Хорошо все-таки, что удалось «приватизировать» этот «пентиум». Он усмехнулся, вспомнив, как был осуществлен процесс. В последний период существования НИИ, который его друг Белоглазов метко окрестил «предагональным», дирекция вознамерилась поправить финансовые дела, сдавая в аренду всевозможным фирмочкам институтские помещения, вследствие чего научное учреждение приобрело сходство с портовым складом, овощной базой и «черт-те чем в общем и целом», по выражению все того же Володи. В бывших лабораториях и кабинетах громоздились коробки и ящики, пахло апельсинами и чем-то пряно-приторным... Так получилось, что соседом группы генетических исследований оказалось некое общество с ограниченной до минимума ответственностью. Представитель – а может, и сам хозяин, кто разберет – того общества, невысокий, иссиня-бритый брюнет с непроизносимой фамилией Ана-наикьянц промышлял торговлей бытовой электроникой, в том числе и компьютерами, активно входившими в моду. Узнав, что соседи у него ученые люди, кумекающие в той самой электронике, он страшно обрадовался и тут же предложил ученым соседям за умеренную плату производить предпродажную подготовку перепродаваемого барахла. Один из компьютеров, новенький «пентиум», был презентован дирекции НИИ в залог бескорыстной дружбы, а также частичной оплаты арендуемой площади. Рассудив, что такой аппарат функционально избыточен для скромных офисных нужд, младший научный сотрудник Чекалов произвел небольшой апгрейд системы – то есть заменил процессор и винт, и еще кое-что по мелочи... В результате его домашняя, древняя «тройка» обрела минимально необходимую для работы прыть,

модернизированный же «пентиум» сохранил способность печатать тексты, и каждый получил по потребностям...

Алексей вздохнул, заглянув в кружку-термос. Да, по потребностям... Ладно. Заварим-ка еще кофейку, раз удовлетворение прочих потребностей откладывается на далекое и светлое будущее.

Газ на кухне исправно горел, вода из крана исправно шла. Отсыпав из стеклянной пол-литровой банки порцию «кофейного напитка», как деликатно именовалась на излете советской торговли смесь жареного ячменя, цикория и отходов кофейного производства, он залил ее водой прямо из крана и поставил посудину на огонь, придерживая за потемневшую деревянную рукоять. Когда самая великая страна приказала долго жить, печальный конец для НИИ, в коем трудился м.н.с. Чекалов, стал очевиден даже вахтерам, дежурившим на проходной. Все операции с арендой, вне сомнения, преследовали одну цель – обеспечить некий запас финансовой плавучести руководству института лично. Во всяком случае, Алексей в летальном прогнозе не сомневался. И потому начиная с того переломного декабря тысяча девятьсот девяносто первого все наработанные материалы тихо и без лишнего шума переправлял к себе домой, не желая, чтобы его выстраданное стало достоянием каких-то неведомых лиц. Таким образом, вся научная деятельность мэнэса Чекалова постепенно переместилась на дом, в лаборатории же оставалась какая-то никчемная писанина, обтекаемые бумажки-отчеты... в которые, похоже, никто уже и не заглядывал. Завотделом все служебное рвение употреблял на то, чтобы оказаться в числе лиц, допущенных к распилу «остаточных средств», все прочие сотрудники, уже полгода трудившиеся без зарплаты, захаживали на работу по старой памяти – попить чайку и обменяться скорбными новостями.

Кофе в старой, помятой джезве возмущенно зашипел, обиженный невниманием со стороны хозяина, и попытался сбежать, но Алексей мгновенно успокоил его, коротко взболтнув ложечкой. Да, программа «Энигма», это хорошо, даже очень хорошо... Пожалуй, с такой наработкой можно было бы смело ехать в Штаты получать гринкарту. Вот только от перспективы этой погано становилось на душе... примерно как во рту от избытка дрянного суррогатного кофе.

Чекалов перелил кофе из джезвы в кружку-термос и усмехнулся. Как там у классика – «я планов наших люблю громадь»... Вот отчего, скажите на милость, так устроена таинственная русская душа – непременно ей надо облагодетельствовать все человечество? Полцарства нам даром не нать, подавай нам все и без остатка!

«Энигма» – что, это всего лишь инструмент. Скальпель хирурга, пассатижи монтера, не более того. Конечный проект, именуемый условно «Лазарус» – вот цель... Ни он сам, ни Володя Белоглазов уже не помнили, откуда всплыло это название. Ну всплыло и всплыло, начальство на излете советской власти отчего-то стало падким на экзотические названия проектов. Название не отражало сути, как не отражала ее и официально заявленная цель: «лечение наследственной фенилкетонурии методами современной генной инженерии». Но надо же что-то было писать в заявке.

Об истинной, конечной цели проекта знали лишь двое. Бывший младший научный сотрудник Чекалов, ныне доблестно охраняющий аптечный пункт, и бывший же научный сотрудник Белоглазов, ныне отчаянный шофер-«бомбила», зарабатывающий на жизнь частным извозом на папином «Москвиче».

Экран компьютера, добросовестно трудившегося, покуда хозяин занимался варкой кофе, по-прежнему демонстрировал двойную спираль, уходящую в бесконечность. Алексей проверил состояние процесса и поморщился. Да, вот и еще проблема... «Пентиум», конечно, не убогая «троечка», но до суперкомпьютера ему расти и расти. А для полноценной работы «Энигмы» нужен очень, очень мощный компьютер, иначе есть все шансы закончить работу в глубокой старости.

– Чек, ты дома? – раздался искаженный помехами голос Володьки. Голос исходил из маленькой коробочки, бывшего карманного радиоприемника «Имула». Алексей взял прибор в руки, нажал кнопку передачи.

– Дома я.

– Жди тогда.

И все, и конец связи. Чекалов улыбнулся, разглядывая самодельную рацию. Как опытный радиохулиган, с пионерским стажем, Володька выработал стиль радиообщения, не позволявший запеленговать источник. Впрочем, сейчас, в девяностые, это было уже излишним – на всех диапазонах царила полная анархия, и если бы не ключ-код, мастерски вмонтированный Володькой, эта коробочка сейчас бормотала бы почти непрерывно, как и полагается добропорядочному гражданскому радиоприемнику. Благодаря же ключу рация оживала лишь тогда, когда на связь выходили нужные абоненты. Проблему дальности радиосвязи решал репитер, установленный на чердаке одного здания так, что найти его было очень непросто. Связь, правда, не охватывала всю столицу, но в большинстве случаев хватало. Городской телефон был лишь у Чекаловых, что касается нынешнего жилища бывшего научного сотрудника Белоглазова, то оставалось только удивляться, отчего в таком месте имеется электричество и водопровод.

Алексей вновь нажал кнопку передачи.

– Юля, Юль... Ты где?

– Уже близко, – спустя пару секунд отозвалась рация голосом, от которого сильнее забилося сердце. Вот интересно, привыкнет ли он к звучанию этого родного, самого лучшего в мире голоса когда-нибудь? Ну, скажем, лет через тридцать... или сорок...

– Я скучаю по тебе, – неожиданно для себя самого выдал в эфир Алексей.

– Уже скоро, родной, – просто ответил голос, и вновь сердце дало сбой. – Уже скоро!

Он осторожно положил рацию на тумбочку. Юлька, Юля, Юлечка... Нет, Чекалов не верил в то, что чудеса на свете бывают – он это знал абсолютно точно. Вот же оно, первое и главное доказательство. Чудо мое, невероятное чудо...

Алексей тряхнул головой, возвращаясь в рабочий режим. Так, что у нас тут накапало? Аденин-цитозин-тимин... ага, ну вроде все.

Сохранив результаты расчетов, он залпом допил кофе и ткнул кнопку «Откл.» Компьютер недовольно заворчал, усиленно ворочая винтом – очевидно, компьютеру тоже больше нравилось работать, а не спать. Чекалов улыбнулся ему, как коллеге и единомышленнику. Ты прав, приятель, однако у людей имеются и другие дела. Так что отдыхай и не беспокойся, на наш век работы хватит.

Экран наконец погас, и в ту же секунду в прихожей тенькнул звонок. Еще, и еще раз.

– Привет тунеядцам! – Володька ввалился в квартиру танком, держа обеими руками объемистый пакет, источающий соблазнительные запахи.

– От халявщика слышу! – в тон огрызнулся Алексей, с удовольствием разглядывая не слишком усердно выбритую физиономию друга. Устал, вон и круги под глазами наметились... Вот уже бездну лет они вместе. Он помнил эту физиономию еще совершенно гладкой и розовощекой.

– По какому поводу гуляем? – осведомился Чекалов, наблюдая, как Белоглазов выгружает на кухонный стол разнообразную снедь. – Ограбил-таки банк?

– Ах, если бы... – мечтательно вздохнул Володька, извлекая объемистую бутылку. – Однако в жизни все бывает много проще. Сегодня цыганку одну на базар подвозил, со всем хабаром... Так что наварился мало-мало.

Действительно, в извозчиьем деле потрепанный «Москвич-универсал», исполнявший ныне роль кормильца бывшего научного сотрудника, имел перед стандартными «жучками» с кузовом «седан» все преимущества, готовый вместить в свое нутро практически любой груз

вплоть до холодильника. Благодаря чему бывший мэнээс Белоглазов мог позволить себе роскошь не колесить с утра до ночи в поисках пропитания, а выбирать достойных клиентов.

– Юлька где?

– Сейчас придет. А это что?

– Ананасы, деревня. В сиропе.

– Хм... Забурел ты, однако... Ешь ананасы и рябчиков жуй...

– Устарела цитатка. Буржуи, как мы видим, активно растут и расцветают, а вот товарищам пролетариям и прочим интеллигентам, героически питавшимся одной картошкой ради светлого будущего... как там у классика-то... «история пастью гроба». Теория всегда поведется практикой. Учись и делай выводы, мон шер ами... Порежь вот буржуйскую колбасу-салями. Где у вас тут хрустальная салатница или что-то в этом роде?

– Нафига?

– Я ж говорю, совок, он совок и есть... Прикажешь твою Юлечку прямо из банки ананасами потчевать?

– Растешь культурно, слов нет... На, держи, – Чекалов извлек из недр кухонного шкафа массивную хрустальную чашу, украшенную затейливым узором. На душе у него было тепло. Обычная пикировка, легкий треп – ибо Белоглазов был твердо убежден, что начинать серьезный разговор следует лишь после приема пищи, но никак не перед либо во время оно. «Деловые обеды, Лешик, придумали крупные боссы, которым думать уже не к лицу. Жевать и мыслить одновременно невозможно...»

Звонок в прихожей затренькал часто и нетерпеливо, и Алексей, бросив недорезанную колбасу, устремился к входной двери.

– Ну здравствуй... – карие, с теплой золотистой искрой глаза близко-близко. Запах духов, и водопад каштановых волос, в которых так легко утонуть... так хочется утонуть...

– Устала?

– Немножко... Кто у нас, Володька?

– Он самый.

Она уже змейкой выскользнула из дубленки, коротким точным движением забросила вязаную шапочку вместе с шарфом на полку, двумя другими скинула ботики. И вновь Алексей сглотнул ставшую вязкой слюну. Право слово, наваждение какое-то... Ну разве можно вот так любоваться каждым движением собственной жены? Это после трех лет законной семейной жизни, не считая незаконной...

– Володя, здравствуй, – Юля вошла на кухню, одной рукой взбадривая роскошную гриву своих волос, другой вешая хозяйственную сумку на крючок, заботливо прибитый к торцу кухонного шкафчика. – Ого! Да у вас тут пир горой, я погляжу...

– Вах! Какая дэвушка, слюшай! – с сильным грузинским акцентом восхитился Белоглазов. Юля, засмеявшись, чмокнула гостя в нос.

– Мерси за комплеман, мон шер ами!

– Не, я серьезно... Как тебе удается с каждым разом все хорошееть? Поделись, я тоже так хочу. А то утром гляну в зеркало – все одна и та же морда в щетине, никакого прогресса...

Чайник на плите засвистел, словно давая сигнал «всем к столу!» Рассаживались неторопливо, привычно. С тех пор, как бывший мэнээс Белоглазов, оказавшись безработным, расстался заодно и с неудавшейся семейной жизнью, он частенько ужинал у четы Чекаловых, пренебрегая комнатухой в коммуналке, доставшейся ему после раздела имущества.

– Ну что, по маленькой? – Володька отвинтил пробку заграничного сосуда, горделиво возвышавшегося в центре стола. – Белое вино, между прочим, рекомендовано к употреблению даже в детских дошкольных учреждениях...

– Я хочу! – Юля подставила рюмку на длинной тонкой ножке, придерживая ее двумя пальчиками и при этом оттопырив мизинец. Алексей улыбнулся – фирменный Юлькин жест...

– Так для того и взято. Нас-то с Лешкой таким вином поить, что слона конфетами кормить – одни пустые затраты... Мое и ваше здоровье, ребята!

Алексей слушал и улыбался. На душе было тепло. Есть такое понятие – друг семьи... Да больше, больше, пожалуй. Вот так же, бездну лет назад, сидел на этом же месте розовошейной пацан в криво повязанном пионерском галстуке и поглощал котлеты, настряпанные Лешкиной мамой, Клавдией Валерьевной... Так, в паре, они и шли по жизни. Вместе учились, сидя за одной партой, вместе читали одни книжки, вместе лазили по деревьям, изображая Тарзана, вместе мастерили первый передатчик, жуткое чудовище трехточечной схемы на здоровенной, как банка из-под варенья радиолампе, невесть каким образом заваливавшейся в домашней кладовке семейства Белоглазовых... Вместе уходили от милиции, кстати, вовремя заметив, что к месту дислокации радиостанции «Свободная волна» подкатил фургончик с вращающейся наверху рамкой. Да, и дрались спина к спине, бывало и такое...

А потом их пути чуть было не разошлись. Алексей довольно быстро охладел к радиотехнике, здорово увлекшись биологией уже в девятом классе. Володька же стойко сохранял верность юношескому увлечению вплоть до окончания школы, и казалось, все уже решено – поступление в МИРЭА, то есть Московский институт радиотехники, электроники и автоматики и последующая карьера... Чекалов, в свою очередь, намеревался поступать в МГУ, на специальность «генетика», и был здорово удивлен, увидев в приемной комиссии своего закадычного друга. «Лешк, я долго думал... Ты прав. Радио было прорывом во времена Попова и Маркони, но не сейчас. Нужно смотреть в перспективу»

И на работу по окончании ВУЗа молодых спецов распределили вместе, вот как бывает... И только в одном судьба разнесла друзей радикально. Ему досталась Юля, Юлечка... а Володьке – Карина.

– ... Ну, за ваше семейное счастье! – провозгласил Белоглазов очередной тост.

– А за свое? – Юля смотрела чуть искоса поверх рюмки.

– Э... Сапер два раза подряд не ошибается, ребята. Вот отлежусь от контузии, тогда будем думать. Но не сейчас.

Володька поставил пустую рюмку, облизал губы, промокнул их бумажной салфеткой.

– Однако, я сыт и доволен, спасибо товарищу Сталину. Вы, судя по виду, тоже. Лешк, не пора нам вернуться к нашим баранам?

– К баранам так к баранам, – вздохнул Алексей, поднимаясь. – Юль, золотко, посуда на тебе...

– Без проблем, – засмеялась она, – идите уже, занимайтесь своими мужскими делами.

Компьютер радостно заурчал, выдавая на экран заставку – сразу видно, соскучился по работе. Развернув нужный файл, Чекалов подsunул другу толстую тетрадь с записями и откинулся в кресле, расслабленно глядя в потолок. Пусть человек войдет в курс дела, вникнет от души...

Некоторое время Белоглазов молча разглядывал материал, то и дело переводя взгляд с экрана на тетрадные записи и обратно.

– Мда... – наконец молвил он. – Колбасу ты на сегодня отработал, надо признать прямо... Что дальше?

– Вот... – тяжело вздохнул Алексей. – Вопрос вопросов. Именно – что дальше?

– Лешк, я не шучу. Отсюда один шаг, и проблема лечения наследственной фенилкетонурии решена. Собственно, уже работа для грузчика, рутинный расчет.

– И я не шучу. Нужно ли мне говорить, что сливать тему в таком виде, это все равно, что шапку Мономаха продать на лом в ближайшем ломбарде?

Они встретились взглядом.

– Вовк, фенилкетонурия, это же частность. Да, для кого-то важная... но суть-то не в ней. Мы не одни такие умные, Вовка. Достаточно засветить метод, и все...

Помолчали.

– И все же подумай, Лешка. Крепко подумай. Журавль в небе, оно конечно, замечательно, но синица в руках все же лучше, чем шиш в кармане. Тут ты верно подметил – на свете кроме нас и еще умные люди имеются. Ты уверен, что вот в этот самый момент некий джентльмен не подбирается к нашей сокровенной тайне? Совершенно самостоятельно. Кто не успел, тот опоздал, как ты понимаешь.

Пауза.

– Давай-ка составлять статью в «Nature», Лешка. Могу и я, коль тебе лень. Только вот комп все равно у тебя, так что...

– Скажи, Володя... Сколько стоит мечта? – медленно, размеренно произнес Алексей. – О том ли мы мечтали? Ты готов вот так взять и продать?..

Долгая, долгая пауза.

– Я не готов, Вовк... Если некий джентльмен найдет, сам найдет – что ж, флаг ему в руки... Против судьбы не попрешь. Но нашего «Лазаруса» слить – нет на то моего согласия. Извини.

Пауза.

– А ты чего молчишь, женщина? – обернулся к хозяйке дома Белоглазов. Юля, закончив прибираться на кухне, устроилась с ногами на диване, держа в руках какую-то книжку. – Где твоя женская мудрость, э?

– А что бы ты хотел услышать? – осведомилась она, глядя поверх книги.

– Юля, это не шутки, – сменил тон Володька. – Это реальный шанс. Вместо этой вот норы – просторный дом в Калифорнии, с бассейном и садом, и ему вот вместо ночных дежурств на боевом посту в аптеке – настоящая работа...

– А ты уверен, что она будет столь хороша, та «настоящая работа»? – тихо спросила Юля. Отложила книгу. Глаза чуть мерцали под мохнатыми ресницами.

– Ты не все понимаешь, похоже, Володя. Не будет никакого «Лазаруса». И даже лечения этой самой наследственной фенилкетонурии, возможно, не будет. Как только вы пошлете статью... Генетическое оружие, это действительно не шутки. Ты уверен, что какой-нибудь Форт-Детрик не станет твоим домом до конца жизни? И нашим с Лешиком домом, если уже на то пошло. Теперь спроси меня – а я хочу этого?

Пауза.

– И это еще не самый худший вариант, кстати. Сотрудники всевозможных специальных служб непредсказуемы, Володя. А наиболее надежно хранят тайны покойники. Помнишь, у классика – «так не доставаясь же ты никому!» И вместо бассейна в Калифорнии будет Истринское водохранилище... Впрочем, бытовое отравление газом тоже сойдет.

Воцарилось долгое, долгое молчание.

– Слушай, Лешк... Где ты берешь такую умную жену? – Белоглазов помотал головой, будто отгоняя мух.

– Обычно он берет меня на этом диване, реже на софе в той комнате, а что? – теперь в глазах молодой женщины плясали бесенята. От неожиданности Алексей поперхнулся, Володька же всхрипнул, как конь, и загоготал.

– Ну Юлька... ох... Вот сколько вас знаю, ребята...

– Однако вернемся к нашим баранам, – прервал веселье Чекалов. – Время, Вовк...

– Да, ты прав, – Белоглазов вновь стал серьезен. – Время действительно уходит.

...Они работали долго и сосредоточенно, изредка перебрасываясь короткими фразами. Час уходил за часом, они не замечали этого. Хозяйка дисциплинированно читала книжку, забравшись с ногами на диван и укрыв те ноги пледом, потом перемещалась по каким-то своим хозяйкиным делам – сознание отмечало это краем. Компьютер молотил без передышки, тетрадь с записями покрывалась вперемешку ровным наклонным почерком хозяина и размаши-

стыми летящими строками гостя. Все в мире оставалось там, за тонкой незримой гранью. Здесь, по сию сторону, была только Работа.

– Ну вот, собственно... – Белоглазов откинулся на спинку стула. – С фенилкетонурией все кончено.

Чекалов некоторое время сидел и смотрел на экран. В голове плыл какой-то тонкий звон, словно зудел где-то в углу комнаты комар. Все кончено. Как просто...

Он поднялся, прошел на кухню и вернулся с початой бутылкой и тремя рюмками.

– Давайте выпьем, а? За удачу...

– За удачу мы уже сколько раз пили, – улыбнулась Юля, вновь откладывая книгу и потягиваясь. – А давайте выпьем за то, чтобы мы все были живы. Вот просто живы, и все...

– Ну, Юль... – Алексей захлопал глазами. – Что за похоронное настроение?

– Нет, Лешик, не похоронное, – улыбка слабая, чуть виноватая. – Просто я смотрю, как круто заворачивает наша злобная реальность, как окрестил ее Вовчик... Знаете, мальчики, я в последнее время стала молиться. Тому, Кто Нас Бережет. Смешно?

Володя задумчиво рассматривал свою рюмку, чуть покачивая.

– Хочу сказать вам спасибо, ребята. И извиниться.

– За что?

– За слабость в коленках. Вы оба правы, а я нет. Нельзя продавать мечту за доллары.

Жидкость в рюмке выписывала фигуры Лиссажу.

– Отдельное спасибо тебе, Юльчик... Вразумила доходчиво и наглядно. Ты права абсолютно, эти твари пощады не знают. Ни у нас, ни у них... И лучше вообще не попадать в их поле зрения.

Он глубоко вздохнул.

– Так что нам нужна одна победа. Одна на всех, мы за ценой не постоим...

Белоглазов вскинул опасно заблестевшие глаза.

– Люблю я вас, ребята. Обоих. Вот так вот.

– И мы тебя, Володя, – тихо ответила Юля.

И вновь в комнате воцарилась зыбкая тишина. И отчего-то по спине пробежала холодными лапками маленькая резвая ящерка.

– Ну, тут у нас пошел интим, – слегка натянуто улыбнулся Алексей, разрушая невольный морок. – Ты пей уже, а то весь букет выветрится, останется ветхозаветная сивуха.

Володя, вздохнув, поставил нетронутую рюмку на стол.

– Поеду я, ребята.

– Куда в такой час? – удивился Алексей. – К тому же выпимши...

– Хм... Ну, если это выпимши...

– Правда, Володь, ну чего ты не видел в той дыре? – поддержала Юля. – Я тебе в соседней комнате постелю... Гаишники права отберут, что делать будешь? Они не разбирают, сколько выпил, дуй в трубку и все дела...

– Все гаишники уже сладко спят, накушавшись питательной и вкусной водки. Без обид, ребята, мне с утра ту цыганку надо опять перекинуть... А от вас утром ехать одна морока, через все пробки. Так что дзенькую бардзо.

И вновь по спине Алексея пробежала невидимая ящерка, неприятно цепляясь холодными когтистыми лапками.

– Ну как доедешь, звякни.

– Ясен пень. Радио на что нам изобрел дедушка Попов?

Уже одевшись, Володька хмыкнул.

– А насчет «той дыры» ты, Юльк, опять в самую точку. Фосгеном бы их травануть, всех соседушек скопом, такая шелупонь подобралась... Не хочется огорчать родную милицию.

– Я тебе тут объедков напихала, – Юля вручила уходящему гостю пакет. – А то знаю тебя, как же – утром стакан чаю натошак, в обед изжога...

– Вот за это спасибо, – просиял Белоглазов. – Что значит настоящая женщина!

Он фамильярно чмокнул хозяйку в щеку.

– Расцветай еще, на радость своему гению-тунеядцу. Пока, Лешка. Но пасаран!

Тяжелые ботинки прогрохотали по лестнице, хлопнула дверь подъезда. Спустя еще полминуты под окном взревел, заурчал мотор «Москвича». Ящерка бегала вдоль позвоночника туда-сюда. Разрезвилась, понимаешь...

– Зря мы его отпустили, – глаза жены чуть мерцали под мохнатыми ресницами. – Неспкойно мне что-то.

– Доедет, – как можно уверенней произнес Алексей, вновь отгоняя привязчивый морок. – На самый край, откупится от ментов, ежели до трубки дойдет... Да на дорогах сейчас пусто, второй час ночи пошел.

– Час, когда Зло властвует над землей безраздельно... – тихо, словно в трансе произнесла молодая женщина.

– Да что с тобой, Юль? Ты прямо Сивилла сегодня какая-то... Ну-ка, встряхнись! Улыбнись мне, ага?

– Ага... – Юля слабо улыбнулась. – Так?

– Нет, не так!

Карие, с золотой искрой омуты глаз. Водопад каштановых волос, словно Ниагара. Губы, от которых невозможно оторваться...

– Уф... – она облизнула губы, прервав бесконечный поцелуй, грудь высоко вздымалась. – Ну что, пойдем баиньки?

– Беспременно баиньки! Архиобязательно...

И вновь долгий, бесконечный поцелуй, прервать который физически невозможно...

– Ну все уже, все... – она выскользнула из объятий. – Я в ванную.

– А я? Как же я?

– А ты сегодня отдельно. Я так хочу. Займись пока оборудованием алькова. Да не вздумай вытащить на свет божий то ужасное байковое одеяло!

– Да, мэм! Будет исполнено, мэм!

Развернув диван-«книжку», щедро возведенный женой в ранг алькова, Чекалов все же не утерпел – взял в руки рацию.

– Вовк, ты где?

Пара секунд, и ответный голос, перемежаемый шелестом помех.

– Подъезжаю. Дома уже почти. Чего тебе не спится?

– Да спится, спится. Спок ночи!

Положив коробку «Имуды» на изголовье ночного столика, Алексей улыбнулся. Ну вот... Пустые страхи пугают ночью детишек. Все будет хорошо.

Хлопнула дверь ванной, и в комнате появилась она... И все мысли разом вон из головы, остался только тонкий звон на грани слышимости, будто где-то в углу зудел комар.

– У вас есть пять минут, милорд. Пока я сушу волосы, – Юля, не стесняясь, сбросила обширное махровое полотенце, в которое была замотана, накинув вместо него халат прямо на голое тело. – После чего дама утратит всю накопленную за день страсть и будет сопеть в две дырки. Правда, устала я чего-то, – улыбка слабая, чуть виноватая.

– Я сейчас... Я мигом!

Ночной напор воды был силен, и душ вместо обычного вяло морозящего дождичка колот кожу упругими струями. Чекалов торопливо тер себя жесткой мочалкой, смывая следы нахальной ящерицы, вознамерившейся бегать по его спине. Все будет хорошо. Они таки сделали это... Сегодня сделали. И дальше пойдут... Все будет хорошо. Все. Будет. Хорошо.

Юля уже лежала в постели, укрывшись одеялом до подбородка. И коробка «Имулы» лежала рядом, прямо у изголовья. Не так, как ее оставил Алексей.

– Не утерпела... – виновато улыбнулась жена, поймав невысказанный вопрос взглядом. – Дома он уже. Не злись на дуру-бабу.

– Это кто здесь дура? – возмутился Чекалов. – Это кто здесь баба? Нервишки у нас с тобой расшатались, вот что я скажу... ну-ка, подвинься...

И все в мире стало призрачным, ненастоящим. Все, кроме нее...

Потом, когда все кончилось, и она уже лежала на его плече, расслабленная и умиротворенная, прижавшись всем телом – белья в постели дома Юля обычно не надевала, называя это «обидеть мужа комбинацией» – он внезапно признался:

– Юля, Юль... Сегодня, как Вовке уезжать, мне так паршиво сделалось чего-то. Знаешь, такое ощущение, будто ящерка холодная вдоль позвоночника бежит. Туда-сюда, туда-сюда...

– Хм? – она открыла глаза. – Похоже. Очень даже похоже...

Ящерка, изгнанная было контрастным душем, немедленно объявилась вновь.

– Ты о чем?

– О том же, о чем и ты. У меня были сходные ощущения. Только еще вдобавок... впрочем, это детали.

Ночник-бра, собственноручно сработанный Чекаловым из телефонной коммутаторной лампочки (Юля не любила темноты в доме) давал слишком мало света, и глаза жены казались сейчас бездонными.

– Вы оба гении, Лешик. И ты, и Володька. Я не для комплимента это говорю, констатирую факт. Вот только, как всякие гении, вы высокомерно игнорируете то, чего не понимаете.

Вопрос «чего именно мы не понимаем?» уже готов был сорваться с языка, но Алексей вовремя его прикусил. Чтобы не спугнуть. Когда Юля начинала говорить вот таким ровным, размеренным, слегка сонным голосом... Уж кто-кто, а Чекалов хорошо знал, что такое озарение.

– Ваш проект «Лазарус» куда-то ушел. В нем не хватает вот этого... Человек – не биомашина, Лешик, состоящая из деталей-белков. Это верно для вирусов там, бактерий разных... Очевидно, верно и для мух. И даже для рыб и лягушек, вероятно... Но с какого-то момента, по мере усложнения организма – хлоп! – количество переходит в новое качество. Мы говорим – «человек существо духовное», мы упоминаем душу... но понимаем ли мы, что именно стоит за этим?

Ее глаза чуть мерцали в полумраке.

– Что такое любовь, Лешик? Этот мир материален, значит, и все в нем имеет материальную основу. И любовь, да... Только не надо приплетать гормоны и прочее. Это все бормоталово для дебилов, как ты говоришь. Вот я спрошу тебя, только не обижайся... Ведь до меня ты же знал девушек? Не надо, не отвечай, это пока вопрос риторический. А вот вопрос по сути. Ты имел тогда те же ощущения... ну... что и сейчас, со мной?

– Ничего похожего, – совершенно искренне ответил Алексей.

– Верю. Даже не верю – знаю. Потому что и у меня... ничего похожего. Потому что это не просто секс, Лешик. Это любовь. А ведь с точки зрения биомеханики все то же самое – и гормоны, и отросток, и дырка...

Ее глаза бездонны, как сама Вселенная.

– Не все так просто в этом мире. Задумывался ли ты, Лешик, отчего нам бывает грустно, когда грустит кто-то другой, и весело, когда кругом веселятся? Ведь, казалось бы, никаких объективных причин для этого нет. Не нашел ты кошелек, набитый купюрами, не повысили тебя по службе... А вот просто смеется незнакомый ребенок, и ты улыбаешься. Отчего? Вопрос...

Пауза.

– Наверное, есть в людях что-то... какой-то приемник, позволяющий чувствовать чужую радость и боль...

– Не у всех, – не удержался от реплики Алексей. – Мы с тобой знаем массу примеров людей, абсолютно глухих и к чужой радости, и к чужой боли.

– Верно, Лешик, есть такие примеры. Только это означает всего лишь, что тот приемник у данного гражданина либо неисправен от рождения, либо сломан, скажем так, в процессе эксплуатации. Либо выключен волевым усилием. Ну отключил человек свою совесть, чтобы не мешала ему по жизни идти широким шагом...

Пауза.

– А бывает еще хуже. Когда приемник настроен неправильно, и выдает сигналы обратной полярности, скажем так. То есть чужая боль вызывает чувство удовольствия. Такие дефектные особи называются садисты.

Долгая пауза.

– И если бы это было все... Есть вещи, и вовсе нам непонятные, Леша... Ощущение неясной опасности – ладно, это еще можно списать на «обработку отрывочной информации подсознанием, когда нет явных доказательств, достаточных для осознания». Но ведь бывает и так, что нет ее вовсе, никакой явной информации, а холодок по спине... Ощущения чужого взгляда, со спины – какие такие органы чувств улавливают это? То же озарение. Вот откуда сейчас у простой русской бабы, только что мужем взятой, такая россыпь перлов? М? И я не знаю... откуда-то оно приходит, и все. Думаю, и у вас с Володькой примерно так же, только вы, как мужчины, самоуверенно относите это к продукции собственных мозгов. Типа как компьютер вычислил... Верно, мозги тут имеют значение, и даже очень большое, но только ли они?

Теперь Чекалов боялся даже громко дышать. Не спугнуть, только не спугнуть... Вот-вот, сейчас треснет хрупкая невидимая грань, рассыплется с неслышимым стеклянным звоном, и откроется... Озарение – не пустой звук.

– Вот когда вы с Володькой учтете все это, поймете суть и переведете в компьютерные символы, это и будет Формула Настоящего Человека. А не того биоробота, коим вы его сейчас представить тщитесь...

Ее глаза блеснули в полумраке неожиданно ярко.

– Впрочем, в том виде, как сейчас, ваш «Лазарус» тоже можно использовать. Еще как можно... И лечение фенилкетонурии этой тут совершенно побочный продукт. До сих пор необходимых боевых биороботов, киллеров и прочих катов изготавливали кустарно, притом зачастую из дефектного человеческого материала – поскольку не дефектный труднее в обработке... А тут, пожалуйста – такие перспективы... Не страшно, Леша?

– Страшно, – снова совершенно искренне признался Алексей. Потому что врать Юльке глупо.

– Вот и мне страшно... Помнишь, как вы спорили с Володькой тогда, на Новый Год? «Человек – переходная ступень от обезьяны к Богу» А всегда ли к Богу? А если к дьяволу?

Долгая, долгая пауза.

– Так что глупости это все, что тут Володька говорил. Насчет домика в Калифорнии и прочее... И придется вам... нам... идти до конца. Завершить тот самый процесс перехода от обезьяны к Богу.

Алексей испытующе смотрел на жену, словно видя впервые. Понимает ли она, что сейчас сказала?

– И не смотри на меня такими страшными глазами, – чуть улыбнулась Юля. – Кто-то же должен был открыть Америку, рано или поздно. И на Луну полететь. Тут то же самое... И отчего бы этим великим человеком не стать моему мужу?

– Я знал, что моя жена невероятно умна, – задумчиво произнес Алексей, – но чтобы настолько? Лао Цзы отдыхает...

Она тихонько засмеялась.

– Не думаю, что твой хваленый Лао Цзы получил бы на нашем курсе «отлично» по философии, не говоря уже о красном дипломе, а вот твоя жена сумела, поди ж ты... Так что все верно.

Она подняла голову.

– Я мало что понимаю в этом вашем аденине-гуанине, зато в людях и душах человеческих кое-что смыслю. Специалист я, Лешик, профессионал.

Взгляд ее упал на настенные часы, здоровенную пластмассовую сову, в одном стеклянном глазу которой горели цифры, означающие часы, в другом – минуты.

– Ой, уже полтретьего ночи! Давай спать, мне завтра к десяти на работу. Буду выглядеть как лахудра синюшная...

– Ты спи, спи... – Алексей заботливо прикрыл жену, поцеловал, как ребенка. – Я сейчас...

– Хм... Опять в тетрадку мудрые мысли?

– Ну а как иначе? Ты тут такого наговорила... Такие мудрые мысли заспать, история же потом не простит ни за что!

* * *

Тьма колыхалась вокруг, распадаясь на неясные образы, чем-то неуловимо похожие на летучих мышей. Тьма бормотала пьяными голосами, хихикала мерзко и злорадно. В этом бормотании нельзя было разобрать ни единого членораздельного слова, и тем не менее смысл угадывался четко и однозначно – все равно победа будет за ней, за мерзкой реальностью, и всякое сопротивление доморощенных гениев глупо и бесполезно...

Телефон грянул, точно пулемет, сухими трескучими очередями, разом вырывая из обаяний зыбкого тревожного сна. Чекалов зашарил рукой по столику, стоявшему у изголовья, рука наткнулась на разнообразные ненужные предметы – кувшинчик с водой и стакан, книжку, очевидно, ту самую, что читала с вечера Юля, какой-то толстый журнал, шелковистый предмет дамского туалета... коробку «Имудлы»... рация... значит, это звонит не Володька...

– Слушаю, – хриплым со сна голосом произнес Алексей в трубку.

– Квартира Чекаловых? – голос в трубке мужской, молодой и напористый. – Мне нужен Чекалов Алексей Борисович.

– Да, это я, – Алексей подобрался. Юля, проснувшись, хлопала глазами, в которых сонную поволоку стремительно сменяла тревога.

– Вам знаком Белоглазов Владимир Сергеевич?

– Естественно. Что произошло? – Чекалов сел на диване, чувствуя, что нахальная ящерка, вчера вечером резвившаяся на спине, теперь добралась до сердца.

– Произошло убийство, – голос в трубке профессионально-ровен. – Гражданин Белоглазов убит. Я попрошу вас подъехать по адресу... адрес вам известен? Хорошо... Желательно прямо сейчас.

И все, и короткие гудки. Алексей опустил трубку, беспомощно оглянулся на жену, судорожно прижимавшую одеяло к груди.

– Володька... убит, – он все-таки смог произнести это слово чужим, деревянным голосом. Юля молча зажала ладошкой рот, глядя на мужа огромными, отчаянными глазами. – Я поеду, Юль.

Пластмассовая сова на стене тарасилась стеклянными глазами, в глубине которых горели зеленые цифры – 07-13. Семь часов тринадцать минут, восьмой час утра... В памяти немедленно всплыло вчерашнее Юлькино: «час, когда Зло властвует над землей безраздельно»... Теперь, похоже, Зло не намерено ограничивать себя определенными часами.

- Я с тобой, – Юля принялась решительно одеваться.
- Тебе на работу...
- Там видно будет. Леша, я с тобой.
- Юль...
- Все, я сказала!

Таким тоном Юля говорила крайне редко. Как опытный психолог-профессионал, она твердо знала: если не хочешь превратить родного мужа в домашнего кота, день-деньской валяющегося на диване, мужчина в доме должен быть голова. Ее вполне устраивала скромная роль шеи, умело направляющей ту самую голову.

На улице дул неровный, порывистый ветер, свистевший в голых ветвях тополей и кленов. Февральский рассвет занимался неохотно, окрашивая небо в грязно-серый цвет, с серых фасадов домов тарасились квадратные желтые глаза окон. И снова где-то на грани осязательности послышался Чекалову мерзкий шипящий смех злобной реальности. «Сдавайся, человечек. Сопротивление бесполезно».

Юля, плотно сжав губы, уцепилась за его рукав, точно утопающий за спасательный круг. Ни единой слезинки не было в сухих, огромных глазах – только огонь и боль. Алексей попробовал изобразить на лице некое подобие ободряющей улыбки, но рот предательски задергался, и Юля чуть качнула головой – не надо, не сейчас...

Извозчика удалось поймать почти сразу – какой-то частник-«бомбила», активно работающий в утренние часы, распахнул дверцу «копейки».

– Вам куда?

– Поехали, – Чекалов ввалился на заднее сиденье, втащив за собой жену. – Поехали... Я плачу, – ему все-таки удалось правильно поставить ударение на последнем слове.

Возле крайнего подъезда дома, где обитал в последнее время Володька, стоял милицкий УАЗик, водитель-сержант лениво курил, опустив боковое стекло. Он проводил супружескую чету взглядом, ничего не сказав.

На лестнице пахло мочой и еще чем-то непередаваемо мерзким. Алексей толкнул ногой ободранную дверь, ведущую в недра коммунальной квартиры, и очутился в мрачном коридоре, загроможденном какой-то рухлядью – от велосипедной рамы до оцинкованного корыта с изрядной пробоиной в днище. И встал как вкопанный. На полу, залитому чем-то темным, неровной меловой чертой был обведен контур лежащего человека. Юля издала сдавленный горловой звук.

– Чекалов Алексей Борисович, насколько я понимаю? – следовательно, молодой лобастый лейтенант сидел на колченогом стуле, держа на коленях раскрытый планшет. – А вы?.. Представьтесь, пожалуйста.

– Чекалова Юлия Семеновна, – ровным деревянным голосом произнесла молодая женщина, остановившись взглядом разглядывая страшную лужу и меловой контур.

– А... Ага, – милиционер принялся записывать в блокнот. – Я следователь райотдела МВД Сазонов, Николай Михайлович. Очень хорошо, что вы подъехали. Давайте будем разбираться.

Следователь принялся задавать какие-то вопросы, Алексей механически отвечал. На какие-то вопросы отвечала Юля... он не вникал. Перед глазами стояла темная, полусохшая уже лужа и меловой контур.

– Простите, что? – очнулся Алексей.

– Я спрашиваю, сколько примерно выпил покойный?

– Четыре рюмки. Белого десертного вина. Не примерно, а точно... Простите, какое это имеет значение?

– Прямое. Четыре... а в граммах?

– Ну... там по пятьдесят грамм, или шестьдесят...

Следователь, склонив голову набок, внимательно рассматривал Чекалова. Как экспонат краеведческого музея. Очевидно, сам факт, что здоровые молодые мужики за ужином вместо стакана питательной и вкусной водки употребляют по каплям десертное вино, рекомендованное для детских дошкольных учреждений, был для лейтенанта чем-то сродни явлению снежного человека... или марсиан.

– Юлия Семеновна, вы подтверждаете показания вашего супруга?

– Да. Подтверждаю.

– Ладно... – следователь, вздохнув, заканчивал строчить в бумагах. – Давайте будем подписывать протокол. Прочтите и вот тут, на каждом листе...

Почерк у лейтенанта оказался что надо – ровные, четкие, почти печатные буквы. «Около 5-00 утра гр. Чушмо А. В., находясь в нетрезвом состоянии, затеял бытовую ссору с гр. Белоглазовым В. С., также находившимся под воздействием спиртного. В ходе конфликта гр. Чушмо А. В. нанес гр. Белоглазову В. С. ножевое ранение в область живота, от которого гр. Белоглазов В. С. скончался спустя примерно 10 мин. Бригада «скорой помощи», прибывшая на место происшествия одновременно с оперативным нарядом, зафиксировала смерть пострадавшего... Показания гражданина Чекалова А. Б...»

– Простите, вы уверены, что формулировка верна? – Алексею теперь казалось, что вместо него говорит кто-то, имеющий к гражданину Чекалову А. Б. весьма косвенное отношение. – Я имею в виду воздействие спиртных напитков...

– Разве я неверно отразил ваши показания? – лейтенант удивленно поднял бровь.

– Двести грамм белого десертного...

– Ну то есть вино не является спиртным напитком, вы хотите сказать?

– Является.

– Тогда в чем дело? Заметьте, я не употребил выражение «в нетрезвом состоянии».

Больше не споря, Алексей подписал протокол. Возразить лейтенанту было нечем. Все правильно, все верно... Для него это самоочевидная бытовуха, пьяная драка между соседями по коммуналке. Один, находящийся под воздействием спиртного несколько более, зарезал другого... Эка невидаль...

– Какой светильник Разума угас... – медленно, будто в трансе, произнесла Юлия. – Родителям его надо сообщить...

– Так кто будет забирать тело? – милиционер застегивал свой планшет. – Родители? Или бывшая жена его? Ваше мнение...

– Жена... – Алексей криво усмехнулся. – Вот это вряд ли. Она его сюда, собственно, и определила. Квартиру оттяпав.

– Ясно... – впервые в глазах следователя протаяло нормальное человеческое сочувствие. – Родители, значит... Далековато старикам ехать.

– Похоронами займемся мы, – твердо сказал Алексей. – Это возможно?

– Возможно, если будет письменное согласие родителей его... раз он в разводе и все такое...

– Одна просьба, лейтенант, – медленно, ровно произнес Алексей. – Могу я увидеть этого подонка? Мне ничего не надо, просто взглянуть в глаза...

– В глаза, говорите... – следователь потер лицо рукой. – Я бы и сам не прочь, чтобы не тянуть с этим делом... Только, боюсь, раньше обеда он не прочухается. Буен оказался гражданин Чушмо, оказал активное вооруженное сопротивление работникам правоохранительных органов... Так что слегка навалили ему ребята. Ну и принял он внутрь, я так полагаю, не меньше литра... гм... белого пшеничного вина. Так что увидеть его вы сможете разве что на суде.

На улице по-прежнему дул резкий, порывистый ветер. Хмурый февральский рассвет все-таки одолел тьму, но окружающий мир от этого так и не стал цветным. Серый, грязный асфальт,

серый, грязный снег... Вот только желтые немигающие глаза окон погасли, и теперь фасады домов пилились на мужчину и женщину, стоявших на обочине, темными пустыми провалами.

– Мне заехать надо бы на работу, Леша... – жена, казалось, намертво приросла к его руке, вцепившись в локоть словно сведенными судорогой пальцами. – Клиентов обижать нельзя, не виноватые они ни в чем.

– Работать будешь сегодня?

– Я же психолог... – Юлия улыбнулась одним уголком рта. – Похожа я сейчас на психолога? Так что какая работа... Нет, просто надо все делать по-человечьи, не по телефону...

– Ну, тогда я с тобой, – вздохнул Чекалов, прижимая ладонью к рукаву узкую кисть жены. – Мне на пост к восьми вечера только...

– Спасибо, Лешик... – она вновь чуть улыбнулась, одним уголком рта. – Ты прав. Не надо нам сейчас расставаться. Нехорошо, неправильно...

Обратно они возвращались на общественном транспорте, поскольку спешить было некуда, да и расходы на такси не были предусмотрены в негустом бюджете семьи Чекаловых. Алексей вспомнил милицкий УАЗ, дежуривший возле володькиного дома... бывшего... Вообще-то мог бы товарищ лейтенант и любезность оказать, доставить свидетелей туда и обратно на служебном транспорте, поскольку, не явись они пред очи, пришлось бы ему самому кататься для съема показаний... Не доставил. Бензин экономят, не иначе – потому и оперативная машина на месте стоит, не отъезжает...

Автобус трясся, неохотно отползая от остановки, и вообще всем своим видом давал знать, насколько опротивела ему эта работа и вообще реальность. Или это настроение водителя передавалось машине?

– Ящерка, Лешик... – Юлия смотрела в грязное стекло. – Не зря бегала, выходит...

– Замолчи, – коротко бросил Чекалов, чувствуя, как все переворачивается внутри от холодной справедливости этих слов. Надо было колом встать, в дверях растопыриться, но оставить Володьку ночевать... Убедить, уговорить, не так уж это и трудно... не знаю, ноги ему переломать... да хоть бы и с Юлькой положить, один раз бы стерпел, но был бы жив, ведь был бы он сейчас жив!!!

Дома было тихо, только чуть слышно бормотало настенное радио. Жена взялась пере мыть посуду, и он знал, отчего – Алексея тоже успокаивало это занятие. Взгляд блуждал по кухне и вдруг наткнулся на полупустую бутылку с яркой наклейкой. Рядом стояла недопитая рюмка на длинной ножке.

Юлия расплакалась сразу, будто прорвало плотину. Чекалов обхватил ее, прижал к груди, и она охотно приняла его сочувствие, прижавшись, словно котенок.

– Ну все, ну все... Ну все уже, ну... – бормотал он, глядя жену по голове и плечам, целуя куда попало, и рыдания стихали, сменяясь короткими всхлипами.

– Ладно, Лешик... Давай завтракать... – успокоившись, вздохнула Юлия. – Пора...

– Я не хочу, – Алексей даже удивился. Как в такой момент вообще можно думать о еде?

– Хочешь, не хочешь, а надо, – ее глаза мудры и печальны. – Поминки придуманы не зря, Лешик. Уж ты мне поверь, как профессионалу.

Еда, судя по первым глоткам, казалась картонной, но уже спустя пару минут, равномерно и монотонно жуя, Чекалов обнаружил, что острая, неизбывная тоска вроде как немного слабеет. Притупляется, что ли... Выходит, права Юлька. Профессионал... И хотя случай для научных изысканий вроде как был вовсе неподходящий, внутри заворочался ученый-исследователь. Отчего так?..

– Отчего так? – Алексей даже не заметил, что говорит вслух.

– В смысле? Легче? – проницательно спросила супруга, глядя из-под мохнатых ресниц.

– Ну... да, в общем. Отчего?

Юлия вздохнула, переправила в мойку опустевшую тарелку.

– Я бы могла тебе рассказать... Но сейчас?..

– В том числе и сейчас, – неожиданно жестко сказал Чекалов. – Смотреть пустым взглядом в стену и страдать... Володька бы не одобрил. Ученый должен мыслить. Теперь мне придется делать это за двоих.

Пауза.

– Как скажешь, муж мой... О чем мы, то бишь? Да... Прием пищи, это одна из важнейших и древнейших функций любого живого организма. Основополагающая, можно сказать. Важнее может быть лишь инстинкт продолжения рода, и то не всегда. Прием пищи влияет на мозговые центры в древней подкорке. Эти сигналы забивают сигналы более высокоорганизованных, молодых отделов больших полушарий, ответственных за тонкую душевную организацию. Если совсем упрощать, глубоко страдать и в то же время жевать невозможно. Вот так примерно. Нужно глубже?

– Пока достаточно, – вздохнул Алексей. – Спасибо, Юльчик, сыт я. Посуда на мне сегодня. А на тебе разговор... с родителями Володькиными. Сможешь?

– Придется, – без улыбки ответила Юля.

Вода из крана с шипением была в тарелку – он нарочно сделал погорячее, чтобы почти ошпаривало руки, отвлекая... В комнате было слышно, как Юля разговаривает с телефонисткой, заказывая разговор с деревней, куда уехали Володькины старики, оставив сыну московскую квартиру... Чекалов скрипнул зубами. Да, и в этом тоже часть его вины. Ведь знал же, видел, что из себя представляет Карина. Высокая, яркая, стройная... тьфу! Такие дамы любят победителей. И, по большому счету, вообще любить не способны, искренне обожая только себя. Мужчинам они предоставляют право... Он криво усмехнулся. Цена-то любой такой красивой-яркой – десять долларов в час, и если дама не согласна, следует просто выбрать другую. Как мог Володька купиться? Вопрос, однако... что есть красота? И почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде? Уж это кому как... Володьке вот достался пустой сосуд, со змеей внутри... Это ему, Чекалову, сказочно повезло...

В комнате вновь заговорила Юлька – похоже, дали соединение... Надо бы подойти, поговорить с дядей Сережей... нет. Нет. На похоронах встретиться, это ладно еще...

– Леша, иди сюда! На, поговори с дядей Сережей!

* * *

Дверь аптеки отворилась со стеклянным, мелодичным перезвоном. Чекалов мельком глянул на настенные часы – шесть минут до закрытия, успел...

– Доброго окончания рабочего дня, девчата.

– О, кто к нам пришел!

– Ох, рано встает охрана!

В аптеке к концу рабочего дня было малолюдно. Какая-то бабулька, старательно укладывающая в недра клеенчатой хозяйственной сумки времен товарища Сталина многочисленные упаковки лекарств, поджав губы, исподлобья глянула на Чекалова. Очевидно, по мнению старушки, такому парню следовало валить лес в Сибири, а не кормиться возле аптеки... все они тут собрались, паразиты, нороящие урвать кусок от ее, бабулькиной, кровно заработанной пенсии... Следующий за бабулькой клиент, костлявый мужичок с явными признаками алкогольной абстиненции, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, то и дело поглядывая на часы. Более посетителей не имелось.

– Вам что?

– Два по сто настойки пустырника! – фраза была сказана таким тоном, что поневоле ожидалось продолжение: «... в один стакан!»

Дождавшись, пока отоварившийся клиент покинет аптеку, заведующая подошла к двери и вывесила на стекле табличку «Закрито».

– Однако, что это инкасса не едет, давно пора... Ага, вот они, легки на помине!

Алексею с какого-то момента казалось, что он раздвоился. Одна часть, грубо-телесная, разговаривала, отвечала на вопросы и даже сама задавала их... Ехала куда-то на автобусе, считала на калькуляторе расходы на погребение, звонила в похоронную контору... На почту сбегать успела, кстати, чтобы получить телеграмму-подтверждение, дающее гражданину Чекалову А. Б. право организации похорон. За неимением в деревне, где жили родители Володьки, других официальных лиц телеграмма была заверена каким-то председателем сельсовета, удивительным образом сохранившегося со времен СССР, но этого, по идее, должно хватить... И сейчас эта грубо-телесная оболочка продолжала разговаривать, обмениваться приветствиями с прибывшими за выручкой парнями-инкассаторами и репликами с девушками-аптекарями... Вторая же часть, невидимая для посторонних, стояла рядом, отстраненно и безучастно наблюдая за происходящим, и страдала от холода... Может ли ощущать холод несуществующая для грубых материалистов душа? Да еще как может...

– Что с тобой сегодня, Алексей? – наконец-то заметила неладное заведующая.

– Друга у меня сегодня убили, Людмила Павловна, – ровным, неестественно спокойным голосом произнес Чекалов. – Просто так, ни за что... Пьяный сосед ножом пырнул, и точка. А мы с ним всю жизнь... со школы... Вот такие дела.

– Да... – на лице женщины изобразилось сочувствие, для грубо-телесной оболочки Чекалова вполне убедительное. Но второй, невидимый Чекалов, стоящий рядом, отчетливо ощущал – обычное мимолетное чувство. Которое будет смыто уже через пять минут, когда Людмила Павловна полезет в переполненный автобус. И обижаться на это бессмысленно, как на климат средней полосы России за то, что тут имеет место быть холодная зима... Смерть человека – горе для близких. Для самых близких, тех, кому он врос в душу, и теперь из той души выдран с кровью. Для всех остальных это статистика.

– Дать тебе эливел, Леша? – заведующая, проводив инкассаторов, запирала шкафы с препаратами. – От депрессии помогает.

– Спасибо, Людмила Павловна, – чуть улыбнулся Чекалов. – Я как-нибудь сам.

– Ну смотри... Водку только не пей, от этого только горше потом.

– Водку точно не буду, – пообещал Алексей, вновь сумев чуть улыбнуться.

Проверив сигнализацию, он распрощался с аптекарями и наконец остался один. Постояв у окна, сел на кушетку. В последнее время, в связи с прогрессивным увеличением количества наркоманов, ограбления аптек стали не редкостью. Злоумышленники, не обращая внимания на сигнализацию, нагло и беспардонно разбивали оконные стекла, проникали внутрь, сокрушали шкафы и витрины в поисках возжеленного зелья... Милиция, правда, исправно прибывала к месту событий, и чаще всего злоумышленников ловила. Однако ущерб от разрушений и простоя аптеки никто возмещать не собирался, и поэтому аптечное начальство, как и всякое начальство, остро не любившее любой головной боли, сочло разумным держать в качестве живых пугал ночных сторожей. Поскольку научные сотрудники теперь стоили совсем недорого... Очевидно, мысль о том, чтобы заменить громадные окна советского образца, рассчитанные на высокую сознательность граждан на стальные жалюзи, опускаемые на ночь, в голову начальству пока не пришла. И слава Богу. Так что бывший мэнэс отныне служил во благо Родине в несколько другом качестве.

Самое странное, что благосостояние семейства Чекаловых от такого «апгрейда» даже улучшилось. В отличие от прежней научной деятельности, в последний год с трудом окупавшей проезд в общественном транспорте к месту работы и обратно, новая должность позволяла Чекалову исправно платить за коммунальные услуги, приносить домой хлеб-молоко-сметану и прочие повседневные продукты, существенно разгружая тем самым семейный бюджет,

и даже делать жене время от времени маленькие подарки – на день рождения, день свадьбы и 8-е марта. Требовать от подобной должности большего означало «неадекватно оценивать свой социальный статус», как выражался Володька...

Достав из кармана небольшой газовый револьвер, Алексей криво усмехнулся. Бульж-ник – оружие пролетариата... Этот почти игрушечный револьверчик достался ему от одного сотрудника, катавшегося в заграничные командировки и каким-то образом сумевшему про-тащить полулегальное оружие через таможню. Недорого, поскольку в тот момент сотрудник остро нуждался в средствах. Ладно, для запугивания наркоманов сгодится... Сегодня супруга уговорила взять пугач с собой, и он не стал возражать. Обычно револьвер находился в сумочке у Юли, в момент же пересечения темных дворов и переулков она попросту держала его в рукаве. Неизвестно, как было бы с боевым оружием – решиться вот так сразу пристрелить человека большое дело – но насчет газового можно было не сомневаться: его жена пальнет без предупреждения и колебания, прямо в нос любому ублюдку. Надо знать Юлю... Это была одна из ступеней защиты от пресловутой злобной реальности, с каждым днем заворачивавшей все круче. Второй ступенью был сам Чекалов, в последнее время старавшийся встречать супругу при возвращении с работы темными зимними вечерами. Ну и третьей, пожалуй, Володька, иной раз подбрасывавший молодую женщину на своем «Москвиче»... Эх...

Алексей достал тяжелую коробку «Имулы», чувствуя, как сжимается сердце. Все. Нико-гда больше не зазвучит из этой коробки Володькин голос, перемежаемый шелестом помех... Кстати, вот и еще одна проблема. Репитер, конечно, не так часто нуждается в обслуживании, но ключ от того чердака у Володьки... где-то...

Странное раздвоение не уходило. Мысли двух Чекаловых текли, время от времени пере-секаясь, дополняя друг друга, но в основном это были независимые мысли двух разумных существ, не иначе... Вот эта мысль, насчет репитера, без сомнения, принадлежит грубо-телесной ипостаси расщепленного Чекалова, мыслящей сугубо конкретно и практично. В то время как бестелесная ипостась, дрожа от потустороннего холода, все-таки успевает задаваться вопросом – отчего так и вообще откуда все эти ощущения?

Ученый может быть счастлив или страдать, но в любом случае он обязан **мыслить**. Тем более теперь, когда мыслить ему придется за двоих. Все пути к отступлению отрезала Володь-кина смерть. Теперь проект «Лазарус» будет доведен до конца. Откуда такое ощущение? Тоже пока неясно. Важно, что оно есть, как уверенность в том, что так будет.

– Ты где? – тревожно спросила коробка радиации голосом Юли, и Чекалов ощутил острый прилив раскаяния. Ведь уже пять минут как сидит на кушетке, размышляет, а жена томится в неведении...

– Я сейчас позвоню! – торопливо нажав кнопку передачи, ответил он.

Телефон в аптеке был новенький, розовый и нарядный. Тыкая в кнопки, Алексей успел подумать – хорошо, что дома у них железная дверь, сообразили-таки поставить...

– Юль, это я... Ты как?

Пауза.

– Плохо, – без утайки ответила трубка Юлькиным голосом.

– И мне без тебя, – столь же откровенно ответил Чекалов. Скрывать что-то от жены бесполезно и глупо.

– Знаешь... Такое ощущение у меня, что я раздвоилась. Одна половинка чего-то делает, ходит... книжку читать пытается... А вторая рядом стоит и наблюдает. Холодно так, отстра-ненно.

– И у меня, – помедлив, произнес Алексей, вновь удивившись чрезвычайной схожести ощущений. – Юля, Юль...

– М?

– Вот скажи, это правда... ну... имеет под собой какую-то основу, насчет души там, девять дней здесь обретающейся... Нет, я не про ад там или рай... но имеется какая-то основа для подобных представлений?

Пауза.

– Этому в университетах не учат, Лешик.

– А не в университетах?

– В семинарии, что ли? Или на курсах экстрасенсов? Эх, Леша, Леша... Ну хорошо. Я так думаю, есть реальная основа.

* * *

Музыки не было. И хорошо, что нет ее, этой муторной надгробной музыки, «Реквиема», исполняемого с надрывом полупьяными музыкантами из местной самодеятельности, подумал Чекалов, с каким-то отстраненным чувством разглядывая гроб. Как-то незаметно ушла эта часть похоронного обряда, считавшаяся непрямым атрибутом еще совсем недавно, в советские времена... Деньги? Да, очевидно, и они тоже. Но, вероятно, дело не только в деньгах. Кто-то проницательно подметил – торжественность погребальных обрядов обратно пропорциональна их количеству. Вот в блокадном Ленинграде трупы просто вывозили на саночках и оставляли на улицах. Притом делали это самые близкие люди. И винить их в черствости никто не смеет... Злобная реальность диктует свои законы.

Юля, почувствовав, что он на грани, осторожно сжала его кисть своей узкой ладошкой, и тупая, ноющая боль где-то под ложечкой отступила, затаилась.

– Ну вот... – сухонькая старушка, Володькина мама, судорожно комкала носовой платок. – Вот и все, Сережа... Не увидим больше... и не услышим... Володечки...

Она вновь беззвучно заплакала, и Сергей Михайлович, Володькин отец, высокий сутулый старик, неловко, молча прижал ее к своему боку. Чекалов дернул щекой – еще полгода назад ни у кого язык не повернулся бы назвать дядю Сережу стариком. Сколько ему сейчас... пятьдесят восемь? Нет, уже пятьдесят девять...

После Володькиной женитьбы его родители, оставив молодоженам квартиру, перебрались на «историческую родину», как выражался сам Белоглазов-старший, то есть в деревню. Благо ему, как пролетарию с «вредным стажем» пенсия полагалась с пятидесяти пяти лет. Жить бы да жить... радоваться... А оно вот как вышло.

– Жить бы да жить... радоваться... А оно вот как вышло, – медленно произнес дядя Сережа. Алексей медленно поднял на него изучающий, задумчивый взгляд. Случайное совпадение... ну конечно, случайное...

– Ну че, мы опускаем? – деловито осведомился старшой могильщик. – Тянуть-то чего...

– Опускайте, – хрипло произнес Алексей.

Гроб на веревках пополз в яму, глухо стукнул о грунт. Вера Николаевна, Володькина мама, вновь затряслась от беззвучных рыданий, так что отец бросил горсть земли за двоих. Бросая свою горсть, Чекалов мельком подумал: вот этот обряд пока остался неизменным... Пока?

Кладбищенские мужички сноровисто заработали лопатами, заваливая яму комьями мерзлой земли. Мужики явно торопились – мертвяков много, а они одни... заказов масса, когда успеть?

– Спасибо тебе, Леша, – перестав наконец плакать, с трудом проговорила Вера Николаевна. – И вам, Юлечка... за все...

– За что? – криво улыбнулся уголком рта Чекалов. – Эх, тетя Вера... Удержи я его тогда, и все было бы по-другому.

– От судьбы не уйти, Леша, – Сергей Михайлович неотрывно смотрел, как растёт могильный холмик. – Ты узнавал, когда суд?

– Через месяц где-то. Говорят, суды перегружены делами. Сообщить?

– Сообщи. В глаза ему взглянуть, тому уроду... Впрочем, урод тут лишь орудие, так выходит. Первооснова-то кобра вон та...

«Кобра», стоявшая чуть поодаль, сверкнула глазами.

– Напрасно вы так, Сергей Михайлович, – Карине удалось изобразить оскорбленное смирение. – Я сделала все, что смогла. Но не думаете ли вы, что какая-то нормальная женщина в наше время свяжет судьбу с безработным нищепродом, не желающим ничего понимать в этой жизни? Времена декабристок прошли. Мне еще ребенка надо будет растить!

– Родила? – отрывисто спросил Володькин отец.

– Пока нет. Не время.

– Тогда о чем разговор?

Карина, по всей видимости, собиравшаяся что-то возразить, все-таки сдержалась, отошла. И то хлеб, подумал Алексей. Не хватает еще тут, на кладбище, выяснения отношений.

– Ладно, – тяжело вздохнул Чекалов. – Давайте в автобус...

Негустая кучка пришедших на похороны – с десятков бывших сотрудников бывшего НИИ – потянулась к стоявшему неподалеку автобусу, совмещавшему функции катафалка и транспорта для провожающих в последний путь. Уже на ступеньках Алексей оглянулся. Могила выделялась среди прочих равных, слегка припорошенных снегом темным грязным пятном, на краю которого торчал стандартный железный памятник с нержавеющей звездой наверху.

Прощай, Володька.

Поминки были заказаны в маленьком кафе, судя по виду, готовившемся к ремонту. Володькины родители и чета Чекаловых расположились за одним столиком. Все-таки есть некоторый прогресс в налаживании рыночной экономики, подумал Алексей, наблюдая, как официантки споро расставляют тарелки и бутылки с водкой. Когда хоронили маму, ему с отцом – Юли с ним тогда еще не было – пришлось здорово побегать, поскольку уже вовсю шла перестройка вкупе с ускорением, и работницы общепита не желали шевелить даже пальцами. И смотрели на всевозможных убогих, корчащих из себя клиентов, как королевы, поскольку имели возможность ежедневно воровать провизию, в отличие от всяких недоумков-ученых, тщетно пытающихся отоварить талоны на колбасу... Сейчас бывшие королевы были в том же положении, что и ученые недоумки – очевидно, буржуй-частник, новый хозяин харчевни вместо положенной зарплаты милостиво разрешает им вылизывать тарелки, не более того.

– Помянем, – просто сказал Володькин отец, поднимая стопку.

Выпили не чокаясь, молча. Пили все по-разному. Сергей Михайлович просто опрокинул в себя стопку, медленно зажевал крепкими челюстями. Вера Николаевна едва пригубила дрожащими губами и вновь бессильно уронила руку на стол. Юля, не чинясь, выпила до дна, взяла закуску... И вновь Алексея посетило странное чувство раздвоения. Тот Чекалов, что сидел за столом, молча выцедил горькую жидкость, проглотил кусок блина... Второй же, невидимый посторонним Чекалов, стоявший рядом, был трезв как стекло, холоден и прозрачен.

– Да... Грешно так говорить, наверное, но Борис счастливей оказался, – дядя Сережа налил по второй. – Умер, веря, что все у сына будет хорошо. При такой-то жене не диво... Вовремя надо умирать, вот что. Мы бы с тобой, старая, месяц назад кувыркнулись... в бане бы угорели, к примеру... так и не увидели всего этого, не пережили бы...

– Верно, дядя Сережа, грех, – Юля смотрела без улыбки. – Кувыркнуться в этой жизни большого ума не надо. А остальным за ушедшего жить придется. Тем, кому не все равно дело ушедшего. Как в той песне – «за себя и за того парня».

Юля выпила вторую, и снова до дна.

– Так что поживите еще, дядь Сережа, и вы, тетя Вера, не бросайте. Ни мужа... ни нас с Алешкой.

– Умна ты, Юлия Семеновна, как черт умна... – Сергей Михайлович мотнул головой. – Нет, не как черт, плохо сказал... Наверное, ангел ты...

Он выпил, двигая кадыком.

– А комнату Володину мы на вас с Лешкой перепишем. Вам жить...

– Не надо, дядь Сережа, – мягко попросила Юлия. – Во всяком случае, не сейчас об этом.

– Да ты не обижайся, и лучше не спорь. Нам с Верой-то того, что имеется, не прожить... У меня здоровье не так, чтобы очень, а теперь, полагаю, и вовсе... Мало ли, инфаркт бряк, и все дела зависнут.

Он вздохнул.

– Так что все верно. Живите за себя и Володьку. Если разобраться, друзья у него одни вы были. Остальные так, приятели да сослуживцы.

Он потянулся налить по третьей и последней, но Юлия прикрыла рюмку ладошкой.

– Все, дядя Сережа. Вы же в курсе, я водку не пью вообще. Это я за Володю и так...

– Как скажешь, – Сергей Михайлович вдруг придвинулся поближе. – Никогда бы не спросил, Леша, а сейчас спрошу... Володя мне говорил про дело, что вы задумали. В последний раз, как гостевал у нас... много мы поговорили, под звездную ночь на сеновале разговор по душам сам идет... Не бросишь дело то? Сможешь?

Чекалов помедлил. Вопрос в точку.

– Я все-таки попробую, – без улыбки ответил он.

* * *

Аденин-тимин-цитозин... Гуанин-тимин-аденин...

Тихо шипел вентилятор системного блока, зеленый глазок мерцал прерывистым неровным светом – компьютер пахал, как трактор на целине, с железной неутомимостью бездушного механизма. И сам Чекалов казался себе таким же механизмом, только собранным из белков. Он чуть усмехнулся. Наверное, любой обыватель счел бы его именно такой вот бездушной машиной. Ну как же, лучшего друга только схоронил, и с поминок да за работу... Глупости это. Вот Володька бы понял, и Юлия понимает. Только работа и может облегчить, снять на время эту ноющую тупую боль души. Лучше всякого эливеда, водки, и, вероятно, даже морфия. Так, что тут... гуанин-цитозин... ага... Все, еще один ген разобран по косточкам. Машине пора дать отдых.

– Леша, посмотри на меня, – негромко попросила Юлия. Он перевел взгляд на жену – в поле зрения плавали какие-то размытые зеленые и розовые пятна, забывая светлый любимый образ.

– А?

– Понятно... – она вгляделась в его глаза. Вдохнула, взяла мужа за щеки ладошками. – Хватит на сегодня. Правда, Лешик. Ну угробишь ты себя за раз, кому это надо... На-ка вот, выпей.

– Это чего? – Алексей принялся.

– Ничего особенного, корвалол в основном. Кушать будешь?

– Не... что ты... – он даже удивился такому неестественному предложению. – Ты права, давай спать. А то в глазах пятна какие-то плавают.

– И я про то. Душ свободен.

– А?

– Уууу... Вопрос снят. Давай-ка в койку. Штаны стащить сможешь самостоятельно?

– А... штаны... да-да, конечно...

Ему все-таки удалось раздеться без посторонней помощи, и даже сложить одежду, как полагается. На этом осознанные действия Чекалова завершились, дальше работали исключительно рефлексy. Едва растянувшись на постели, он словно провалился в колодець – точно и впрямь выключенный компьютер.

...Вязкая и в то же время неосязаемая тьма плавала вокруг, невнятно бормотала на разные голоса. В бормотании этом невозможно было разобрать ни единого слова, однако смысл улавливался четко и однозначно: «ты еще не утомился, человек?»

Он проснулся разом, будто вынырнув из омута. Ночник, сделанный из телефонной лампы, освещал комнату мягким светом, в углах переходившим в полусумрак. Жена лежала на боку неподвижно, отвернувшись, из-под одеяла торчало лишь голое плечо, но Алексей уже знал, чувствовал – она не спит.

– Юля, Юль...

– М?

– Не спишь?

Пауза.

– Поласкай меня, Леша. Если не в форме, не хочется... ничего больше не делай, не надо. А просто поласкай и все. Как кошку.

Тон, каким это было произнесено... Чекалов сглотнул. Обычно Юля, желая получить мужнины ласки, просто и естественно прикидала к нему, не тратя слов даром.

– Ну что ты, Юль... ну чего ты...

Ее тело, как всегда, было гладким и упругим. Плечо, высокая грудь с острым холмиком соска... живот... спина... гладко выбритый лобок... и еще ниже... Алексей вспомнил – в первый раз, когда Юля решилась, там была густая курчавая поросль. Когда же они расписались, все уже было гладким, как у младенца... «Но ведь тебе же так приятнее, Лешик, разве нет?»

Желание возникло само собой. Видимо, невозможно ласкать молодую женщину и страдать. Почувствовав, она уже разворачивалась, обвила руками, припала к губам мягко и в то же время настойчиво...

– Ну вот... – отдышавшись, пробормотал Чекалов, когда все кончилось. – Не получилось... как кошку...

Юля, лежа на его плече, фыркнула раз, другой... Засмеялась тихим, почти беззвучным смехом. Спустя секунду Алексей осознал, что и сам смеется. Первый раз за эти страшные дни.

– Дядь Сережа с тетей Верой, наверное, уже дома... – отсмеявшись, произнесла Юля, глядя из-под мохнатых ресниц. Алексей задумчиво хмыкнул.

– Как ехать будет...

– Ну не в лесу же им ночевать.

– Это да.

Володькины родители сразу после похорон отбыли домой. На своей же машине, которой Володька владел по доверенности. Напрасно Чекаловы уговаривали их ночевать. «Поедем мы, ребята, вы уж не обижайтесь. Там корова у нас... кот вон у Веруши... словом, будет легче. А здесь ничего, кроме лишних соплей не предвидится, и вам мало радости... так что поедем. Хорошо, права я с собой взяла»

– Своим звонила?

– Ага... Все нормально у них.

Родители жены проживали в Самаре, еще недавно бывшей Куйбышевом, со старшим братом, в своем доме на окраине большого города. На берегу Волги, кстати... как говорит Юлька, «тем самым совмещая преимущества городской и сельской жизни, а равно и приморского курорта»

– Как все же похожа на поезд вся эта жизнь... – медленно, будто в трансе, вдруг произнесла Юлия. – Кто-то садится, а кто-то выходит. И нет стоп-крана, и нельзя дать задний ход... Сколько людей отдали бы все, лишь бы дать задний ход?

Ее глаза чуть мерцают в полутьме.

– Я спираль нынче сниму, Лешик.

– Какую спираль? А... ага... ну, тебе видней... таблетки хотя, говорят, вреднее.

– Ты не понял, Леша. И никаких таблеток.

Она глубоко вздохнула.

– Это для таких, как Карина, «пока не время». А для нас время, Леша. Потому как поезд идет, не замедляя хода.

И вновь она права на все сто, всплыла мысль. Никакая злобная реальность не должна мешать продолжению жизни.

– Да, елки-палки, в войну рожали, и ничего! – улыбнулся Чекалов. – Так что давай. Я буду только рад.

– Я в тебе и не сомневалась, – тихо, серьезно ответила она, так, что Алексея захлестнуло горячей волной.

– Юлия, Юль...

– М?

– А можно мне еще... ну... как кошку?

* * *

Аденин-гуанин-цитозин... аденин-гуанин-тимин...

Алексей в изнеможении откинулся на спинку стула, закрыв глаза. Ожесточенно потер щеки ладонями, помассировал виски. Нет, с этим надо что-то делать... «Энигма» несовершенна. Тупо переводить последовательность аминокислот в ДНК-код и обратно, невелика заслуга... А вот как насчет предвиденья, какова должна быть структура белка-фермента, которого еще нет в реальности, но который необходим, чтобы организм имел те или иные нужные свойства? Задача, однако... Это вам не какая-то жалкая теорема Ферма. И все ложится на одни мозги. И каждый раз нужно ждать озарения.

Как со всем этим справлялся Создатель?

Эх, Володька... Проклятая мерзкая реальность. Проклятый тупой ублюдок, этот самый Чушмо... Проклятая судьбина... Какой светильник Разума угас...

При воспоминании о Володьке настроение, и без того не радужное, резко просело. Да, завтра же будет суд. А сегодня должны приехать Володиные родители.

Он вдруг отчетливо представил, как старый «Москвич», разбрызгивая талую воду, перемешанную с грязным снегом, въезжает во двор, подруливает к подъезду... вот выходит Сергей Михайлович, придерживает дверцу, выпуская наружу тетя Веру... вот поднимаются они по лестнице, рука об руку, тяжело и нескоро... подходят к двери... старик поднимает руку, тянется к кнопке звонка...

Звонок в прихожей тренькнул раз, другой, разрушая зыбкое наваждение, и Чекалов вздрогнул. Вот как?

– Здравствуй, Леша, – за время отсутствия Вера Николаевна высохла еще сильнее.

– Здравствуйте, тетя Вера. Дядь Сережа, здравствуйте. Вы проходите, проходите! А мы вас ждали.

Помогая старикам раздеться и прочее, Чекалов уже не очень удивлялся. Вот как... Вот так вот даже. Дар ясновиденья прорезался, не иначе. А пуркуа бы и не па? Ясновиденье, как более общий случай строго научного озарения... гм... надо записать в тетрадку...

– Юлия-то где?

– На работе пока. Вы проходите в комнату, я чайник сейчас и прочее...

Старики уселись на диване, разглядывая небогатое убранство помещения.

– Все так же у вас, я гляжу... – тетя Вера чуть качнула головой. – И мебель, как при Борисе... только диван вот новый...

– Я тут хотел приобрести гарнитур Людовика Четырнадцатого, – улыбнулся Чекалов, – но Юлька отговорила. Добавь, говорит, и купи лучше курицу. Так что сейчас мы будем кушать куриный супчик, с лапшой домашней. Юлька вчера расстаралась, специально для вас.

Сергей Михайлович разглядывал компьютер, на экране которого вилась двойная спираль.

– Работаете?

– Угу.

– Мы, небось, мешаем...

– Дядь Сережа, это вы о чем? Обидеть хотите?

– Да не... не для обиды... Спросить я хочу. Подвигается дело-то?

– Медленно, – честно признался Чекалов. – Без Володьки, как без одной руки. Да хуже, пес бы с ней, с рукой, без руки можно... Второй головы не хватает мне, дядь Сережа. Как змею Горынычу из сказки.

Дядя Сережа пристально разглядывал хозяина квартиры.

– Худой ты стал... Спасибо тебе, Алексей.

– В смысле?

– В прямом. Удастся тебе довести, тогда, выходит, и сын наш жил не зря.

Помолчали.

– Аптеку все так же охраняешь? – спросила Вера Николаевна.

– Охраняю, – отозвался Чекалов, уже орудуя на кухне. – Странная вещь эта жизнь, тетя Вера. Работаю дома, и ни копейки за это. А на службе сплю, и мне за это деньги платят.

– Давай-ка я тебе помогу. Сидеть сложа руки, когда мужчина на кухне шурудится, для женщины неприлично. Мужчине можно доверить хлеб-колбасу порезать, не более.

– Как скажете, тетя Вера... Дядь Сережа, по пятьдесят грамм?

– Не, Леша, не надо. Во-первых, на колесах я. И во-вторых, вообще не пью теперь. Черно больно на душе потом... Теперь, Лешка, я все больше корвалол употребляю.

– Але, ты дома? – ожила на столике коробка «Имуды».

– Да. У нас гости.

– Поняла, я уже еду!

– Хм... – Сергей Михайлович разглядывал рацию. – Володькина работа... Действует?

– И это тоже память, – без улыбки ответил Чекалов.

– Сказал бы, я бы Юлю-то забрал, все равно на машине.

– Да она через десять минут дома будет. Сейчас уже светло вечерами, а так обычно я ее на остановке встречаю.

– Ну так мы ее подождем, вместе и поужинаем... – Вера Николаевна вздохнула. – Как тогда... с Володей-то вы ужинали... в последний раз, выходит...

Помолчали.

– Кобра-то будет? – спросил Сергей Михайлович, глядя в окно.

– Мне откуда знать? Ни я, ни Юлька с ней не общаемся.

Пауза.

– Рассказал бы, чего тут в стольном граде делается. А то до нас только слухи по радио...

Алексей принялся излагать, что именно делается в стольном граде. Повествование, правда, сильно смахивало на пересказ какого-то триллера, но что делать... Не зря Володька окрестил ее «злой реальностью», ой, не зря...

И вновь перед внутренним взором возникло видение – тоненькая фигурка осторожно перепрыгивает через лужу, входит в арку... Алексей, прервав разговор, стремительно направился в спальню, откуда была видна та самая арка. Он подошел к окну как раз в тот момент, когда фигурка выходила из арочного проема. Юлька... Юленька...

– Ты чего, Леша? – непонимающе хлопала глазами Вера Николаевна. – Вспомнил что-то?

– Да так... Не обращайтесь внимания, тетя Вера. Вспомнил, да. О чем мы, то бишь? А, про коммунальные услуги... Не услуги это, тетя Вера, ясак. Ну, как во времена монголо-татар брали, просто так.

Звонок в прихожей затренькал часто и нетерпеливо – как обычно, Юля не ограничилась однократным нажатием на кнопку.

– Ну здравствуй... – карие, с теплой золотистой искрой глаза близко-близко. Запах духов, и водопад каштановых волос, в которых так легко утонуть... так хочется утонуть...

– Устала?

– Немножко...

Она змейкой выскользнула из дубленки – несмотря на конец марта, не рисковала покуда одеваться в пальто, бронхит никому не нужен – скинула ботики, прошла на кухню.

– Здрасьте, тетя Вера. Дядь Сережа...

– Здравствуй, Юленька, здравствуй.

Рассаживались за столом неторопливо. Вчетвером на кухне было тесновато, но так уж устроен русский человек – в тесноте привычно ему, главное, чтобы не в обиде. Юля принялась расспрашивать гостей, умело гася горькие воспоминания и тягучие паузы, отвлекая и ни словом не упоминая о завтрашнем процессе. Психолог, что скажешь...

– Сороковины скоро, – внезапно сказал Сергей Михайлович. – Где будем?..

Пауза.

– У нас, – вздохнула Юля. – Где же еще? Вот там, в зале, и стол поставим.

Она выставила перед собой ладошку, предупреждая вопросы и возражения.

– Только спасибо не говорите, дядь Сережа. И вы, тетя Вера. Спасибо нам не за что. Был бы жив Володька... тогда имело бы смысл.

– А тогда никто ничего и не знал бы, – медленно проговорил Сергей Михайлович. – У меня отец, как помните, на фронт не молоденьким попал, я уже в школу ходил... Рассказывал одну историю. Ехали они, значит, к линии фронта, и уже под Ельней где-то развернули вдруг их, и полным ходом назад. Кто, что, непонятно... Это потом уже поняли, что немцы прорвались, и потому приказ дан, занять оборонительные позиции... Бардак был полный, отец вспоминал, и потому командир артполка ихнего, в нарушение инструкций, приказал погрузить ящики со снарядами прямо на платформы, где орудия закреплены были. Потому как опыт горький уже имелся, когда батареи разворачивали на позициях, а снарядов не подвозили, и встречай немецкие танки голой грудью... или другим местом, как сумеешь. А так, стало быть, можно даже с платформ стрелять, при крайней нужде, зенитки 85-мм расчехлить не особо трудно. А утро уже настает, и вдруг пара «мессеров», откуда ни возмись. Видимо, были и такие асы, что в темноте взлетали. Ну, шум, моторы воют, стрельба... Они пару раз по составу прошли из пулеметов, по ним из винтовок да ручных «дегтяревых», да из «максимки» счетверенного, что на тендере паровоза стоял – орудия и расчехлить не успели... В паровозный котел не попали, или не пробило его по касательной, ну и разошлись, недовольные друг другом, как батя говорил... Немцы улетели, в общем, эшелон дальше двинулся и через полчаса прибыл на станцию Сухиничи, где и предписано было занять оборону. А потом, как начали разгружать боеприпасы, отец глядь – а в ящике, на котором он сидел всю дорогу, дыра. И внутри, аккуратно между чушками-унитарами, лежит неразорвавшийся маленький такой снарядик, от авиапушки. Щепок наломал, гильзы чуток покорежил и застрял... И все это время не подозревал отец, что на смерти верхом едет...

Помолчали.

– Все так, дядь Сережа, – первой нарушила молчание Юля. – Несвершившееся видеть не дано людям. Как правило.

Она встретила взглядом с мужем, и Алексей увидел то, что не было досказано вслух. Как правило, люди не верят, что незримая маленькая холодная ящерка, бегающая по спине, может представлять серьезную опасность для большого, очень и очень умного человека, либо близких его.

Ну так пусть пеняет на себя, раз такой большой и умный.

* * *

– Встать, суд идет!

Народ зашевелился, недружно вставая, и мордастый верзила в клетке тоже грузно поднялся. Сейчас, когда гражданин Чушмо был трезв, его морда приобрела даже некоторое подобие человекообразности. Впрочем, раскаяняя в глубоко посаженных свинных глазах искать было бесполезно – на морде этой почти печатными буквами значилось: «сколько дадут?»

Прокурор принялся зачитывать деяния подсудимого, но Алексей не слушал. Для него как раз все было яснее ясного. Зло, оно ведь не ходит по земле само. Его повсюду разносят носители того зла. Вот такие, к примеру, как этот Чушмо... впрочем, их много разновидностей. И каждый несет кому-то горе, поскольку сам чувствовать чужую боль не способен.

– ... Свидетель Обдергаева, где вы находились в момент совершения гражданином Чушмо данного преступления?

– На кухне, на кухне я находилась, энтот паразит же у меня уже в тот раз картошку с мясом поел всю! – затараторила бабенка неопределенного возраста, одетая в какой-то нелепый лапсердак с вытянутыми карманами. – И в этот раз собирался никак! Ничего на кухне оставить невозможно! Один вот только и был приличный сосед, и вот... – бабенка сочла уместным разок всхлипнуть, очевидно, в память о приличном соседе. В памяти Чекалова всплыло: «Фосгеном бы их травануть, всех соседушек скопом, такая шелупонь подобралась... Не хочется огорчать родную милицию».

Прокурор и адвокат задавали вопросы, гражданка Обдергаева отвечала. Гладкие казенные обороты речи причудливо перемежались с визгливым неграмотным говором, какой уже непросто встретить в Москве даже в самых грязных норах – все-таки языковая среда великого города нивелирует дремучие диалекты, телевизор все смотрят... Процесс шел своим чередом, судья и помощники, прокурор и адвокат откровенно скучали, отрабатывая свои номера. Вероятно, приговор уже вынесен, подумал Чекалов, сейчас эта тройка удалится на совещание и будет пить чай-кофе под бла-бла-бла на житейские темы, а потом огласит подписанную бумагу... Никому не интересен скот, именуемый гражданином Чушмо А. В., и его дальнейшая судьба. Как, впрочем, неинтересен и потерпевший Белоглазов. В. С., на свою беду столкнувшийся в узком коридоре со скотом, буйным во хмелю... Бытовое убийство, каких море. Скучно, господа...

– ... По совокупности преступлений... путем частичного сложения... к двенадцати годам лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима... приговор может быть обжалован...

На морде гражданина Чушмо читалось, как на экране – «эх... как неудачно я влип... с ножом да на ментя, вот и вышло по совокупности... а так бы дали восемь... а там условно-досрочно можно, этак лет через пять... а теперь хрен условно-досрочно выйдешь, больше червонца... все водяра паленая, чего мешают туда эти буржуи...»

– Подсудимый, вам предоставляется последнее слово!

Верзила встал, как школьник, которого учитель застал врасплох.

– Так... а чего говорить-то? Ну, это... не хотел я... Простите...

– Я тебя не прощаю, – хрипло проговорил Сергей Михайлович. – Будь проклят.

Подсудимый неловко повел плечом... ну, папан егоный, ясен пень, чего со старого надо-то...

Народ уже расходился, двое конвоиров выводили осужденного, надев для пущей убедительности «браслеты». На секунду-другую они оказались совсем рядом.

– Я тебя не прощаю, – внятно, раздельно произнес Чекалов. – И сделаю так, чтобы ты понял это.

* * *

Аденин-тимин-цитозин... Гуанин-тимин-аденин...

Тихо шипел вентилятор системного блока, зеленый глазок мерцал прерывистым неровным светом – компьютер пахал, как трактор на целине, с железной неумимостью бездушного механизма. И сам Чекалов казался себе таким же механизмом, только собранным из белков. Он чуть усмехнулся. Наверное, любой обыватель счел бы его именно такой вот бездушной машиной. Ну как же, лучшего друга только схоронил, и с поминок да за работу... Глупости это. Вот Володька бы понял, и Юля понимает. Только работа и может облегчить, снять на время эту ноющую тупую боль души. Лучше всякого эливелла, водки, и, вероятно, даже морфия. Так, что тут... гуанин-цитозин... ага... Все, еще один ген разобран по косточкам. Машине пора дать отдых.

– Леша, посмотри на меня, – негромко попросила Юля. Он перевел взгляд на жену – в поле зрения плавали какие-то размытые зеленые и розовые пятна, забывая светлый любимый образ.

– А?

– Понятно... – она вгляделась в его глаза. Вздохнула, взяла мужа за щеки ладошками. – Хватит на сегодня. Правда, Лешик. Ну угробишь ты себя за раз, кому это надо... На-ка вот, выпей.

– Это чего? – Алексей принялся.

– Ничего особенного, корвалол в основном. Кушать будешь?

– Не... что ты... – он даже удивился такому неестественному предложению. – Ты права, давай спать. А то в глазах пятна какие-то плавают.

– И я про то. Душ свободен.

– А?

– Уууу... Вопрос снят. Давай-ка в койку. Штаны стащить сможешь самостоятельно?

– А... штаны... да-да, конечно...

Ему все-таки удалось раздеться без посторонней помощи, и даже сложить одежду, как полагается. На этом осознанные действия Чекалова завершились, дальше работали исключительно рефлексy. Едва растянувшись на постели, он словно провалился в колодезь – точно и впрямь выключенный компьютер.

...Вязкая и в то же время неосязаемая тьма плавала вокруг, невнятно бормотала на разные голоса. В бормотании этом невозможно было разобрать ни единого слова, однако смысл улавливался четко и однозначно: «ты еще не утомился, человек?»

Он проснулся разом, будто вынырнув из омута. Ночник, сделанный из телефонной лампы, освещал комнату мягким светом, в углах переходившим в полусумрак. Жена лежала на боку неподвижно, отвернувшись, из-под одеяла торчало лишь голое плечо, но Алексей уже знал, чувствовал – она не спит.

– Юля, Юль...

– М?

– Не спишь?

Пауза.

– Поласкай меня, Леша. Если не в форме, не хочется... ничего больше не делай, не надо. А просто поласкай и все. Как кошку.

Тон, каким это было произнесено... Чекалов сглотнул. Обычно Юля, желая получить мужнины ласки, просто и естественно приникала к нему, не тратя слов даром.

– Ну что ты, Юль... ну чего ты...

Ее тело, как всегда, было гладким и упругим. Плечо, высокая грудь с острым холмиком соска... живот... спина... гладко выбритый лобок... и еще ниже... Алексей вспомнил – в первый раз, когда Юля решилась, там была густая курчавая поросль. Когда же они расписались, все уже было гладким, как у младенца... «Но ведь тебе же так приятнее, Лешик, разве нет?»

Желание возникло само собой. Видимо, невозможно ласкать молодую женщину и страдать. Почувствовав, она уже разворачивалась, обвила руками, припала к губам мягко и в то же время настойчиво...

– Ну вот... – отдышавшись, пробормотал Чекалов, когда все кончилось. – Не получилось... как кошку...

Юля, лежа на его плече, фыркнула раз, другой... Засмеялась тихим, почти беззвучным смехом. Спустя секунду Алексей осознал, что и сам смеется. Первый раз за эти страшные дни.

– Дядь Сережа с тетей Верой, наверное, уже дома... – отсмеявшись, произнесла Юля, глядя из-под мохнатых ресниц. Алексей задумчиво хмыкнул.

– Как ехать будет...

– Ну не в лесу же им ночевать.

– Это да.

Володькины родители сразу после похорон отбыли домой. На своей же машине, которой Володька владел по доверенности. Напрасно Чекаловы уговаривали их ночевать. «Поедем мы, ребята, вы уж не обижайтесь. Там корова у нас... кот вон у Веруши... словом, будет легче. А здесь ничего, кроме лишних соплей не предвидится, и вам мало радости... так что поедем. Хорошо, права я с собой взяла»

– Своим звонила?

– Ага... Все нормально у них.

Родители жены проживали в Самаре, еще недавно бывшей Куйбышевом, со старшим братом, в своем доме на окраине большого города. На берегу Волги, кстати... как говорит Юлька, «тем самым совмещая преимущества городской и сельской жизни, а равно и приморского курорта»

– Как все же похожа на поезд вся эта жизнь... – медленно, будто в трансе, вдруг произнесла Юля. – Кто-то садится, а кто-то выходит. И нет стоп-крана, и нельзя дать задний ход... Сколько людей отдали бы все, лишь бы дать задний ход?

Ее глаза чуть мерцают в полутьме.

– Я спираль нынче сниму, Лешик.

– Какую спираль? А... ага... ну, тебе видней... таблетки хотя, говорят, вреднее.

– Ты не понял, Леша. И никаких таблеток.

Она глубоко вздохнула.

– Это для таких, как Карина, «пока не время». А для нас время, Леша. Потому как поезд идет, не замедляя хода.

И вновь она права на все сто, всплыла мысль. Никакая злобная реальность не должна мешать продолжению жизни.

– Да, елки-палки, в войну рожали, и ничего! – улыбнулся Чекалов. – Так что давай. Я буду только рад.

– Я в тебе и не сомневалась, – тихо, серьезно ответила она, так, что Алексея захлестнуло горячей волной.

– Юля, Юль...

– М?

– А можно мне еще... ну... как кошку?

* * *

Аденин-гуанин-цитозин... аденин-гуанин-тимин...

Алексей в изнеможении откинулся на спинку стула, закрыв глаза. Ожесточенно потер щеки ладонями, помассировал виски. Нет, с этим надо что-то делать... «Энигма» несовершенна. Тупо переводить последовательность аминокислот в ДНК-код и обратно, невелика заслуга... А вот как насчет предвиденья, какова должна быть структура белка-фермента, которого еще нет в реальности, но который необходим, чтобы организм имел те или иные нужные свойства? Задача, однако... Это вам не какая-то жалкая теорема Ферма. И все ложится на одни мозги. И каждый раз нужно ждать озарения.

Как со всем этим справлялся Создатель?

Эх, Володька... Проклятая мерзкая реальность. Проклятый тупой ублюдок, этот самый Чушмо... Проклятая судьбина... Какой светильник Разума угас...

При воспоминании о Володьке настроение, и без того не радужное, резко просело. Да, завтра же будет суд. А сегодня должны приехать Володиные родители.

Он вдруг отчетливо представил, как старый «Москвич», разбрызгивая талую воду, перемешанную с грязным снегом, въезжает во двор, подруливает к подъезду... вот выходит Сергей Михайлович, придерживает дверцу, выпуская наружу тетя Веру... вот поднимаются они по лестнице, рука об руку, тяжело и нескоро... подходят к двери... старик поднимает руку, тянется к кнопке звонка...

Звонок в прихожей тренькнул раз, другой, разрушая зыбкое наваждение, и Чекалов вздрогнул. Вот как?

– Здравствуй, Леша, – за время отсутствия Вера Николаевна высохла еще сильнее.

– Здравствуйте, тетя Вера. Дядь Сережа, здравствуйте. Вы проходите, проходите! А мы вас ждали.

Помогая старикам раздеться и прочее, Чекалов уже не очень удивлялся. Вот как... Вот так вот даже. Дар ясновиденья прорезался, не иначе. А пуркуа бы и не па? Ясновиденье, как более общий случай строго научного озарения... гм... надо записать в тетрадку...

– Юля-то где?

– На работе пока. Вы проходите в комнату, я чайник сейчас и прочее...

Старики уселись на диване, разглядывая небогатое убранство помещения.

– Все так же у вас, я гляжу... – тетя Вера чуть качнула головой. – И мебель, как при Борисе... только диван вот новый...

– Я тут хотел приобрести гарнитур Людовика Четырнадцатого, – улыбнулся Чекалов, – но Юлька отговорила. Добавь, говорит, и купи лучше курицу. Так что сейчас мы будем кушать куриный супчик, с лапшой домашней. Юлька вчера расстаралась, специально для вас.

Сергей Михайлович разглядывал компьютер, на экране которого вилась двойная спираль.

– Работаешь?

– Угу.

– Мы, небось, мешаем...

– Дядь Сережа, это вы о чем? Обидеть хотите?

– Да не... не для обиды... Спросить я хочу. Подвигается дело-то?

– Медленно, – честно признался Чекалов. – Без Володьки, как без одной руки. Да хуже, пес бы с ней, с рукой, без руки можно... Второй головы не хватает мне, дядь Сережа. Как змею Горынычу из сказки.

Дядя Сережа пристально разглядывал хозяина квартиры.

– Худой ты стал... Спасибо тебе, Алексей.

– В смысле?

– В прямом. Удастся тебе довести, тогда, выходит, и сын наш жил не зря.

Помолчали.

– Аптеку все так же охраняешь? – спросила Вера Николаевна.

– Охраняю, – отозвался Чекалов, уже орудуя на кухне. – Странная вещь эта жизнь, тетя Вера. Работаю дома, и ни копейки за это. А на службе сплю, и мне за это деньги платят.

– Давай-ка я тебе помогу. Сидеть сложа руки, когда мужчина на кухне шурудится, для женщины неприлично. Мужчине можно доверить хлеб-колбасу порезать, не более.

– Как скажете, тетя Вера... Дядь Сережа, по пятьдесят грамм?

– Не, Леша, не надо. Во-первых, на колесах я. И во-вторых, вообще не пью теперь. Черно больно на душе потом... Теперь, Лешка, я все больше корвалол употребляю.

– Але, ты дома? – ожила на столике коробка «Имуды».

– Да. У нас гости.

– Поняла, я уже еду!

– Хм... – Сергей Михайлович разглядывал рацию. – Володькина работа... Действует?

– И это тоже память, – без улыбки ответил Чекалов.

– Сказал бы, я бы Юлю-то забрал, все равно на машине.

– Да она через десять минут дома будет. Сейчас уже светло вечерами, а так обычно я ее на остановке встречаю.

– Ну так мы ее подождем, вместе и поужинаем... – Вера Николаевна вздохнула. – Как тогда... с Володей-то вы ужинали... в последний раз, выходит...

Помолчали.

– Кобра-то будет? – спросил Серей Михайлович, глядя в окно.

– Мне откуда знать? Ни я, ни Юлька с ней не общаемся.

Пауза.

– Рассказал бы, чего тут в стольном граде делается. А то до нас только слухи по радио...

Алексей принялся излагать, что именно делается в стольном граде. Повествование, правда, сильно смахивало на пересказ какого-то триллера, но что делать... Не зря Володька окрестил ее «злойбной реальностью», ой, не зря...

И вновь перед внутренним взором возникло видение – тоненькая фигурка осторожно перепрыгивает через лужу, входит в арку... Алексей, прервав разговор, стремительно направился в спальню, откуда была видна та самая арка. Он подошел к окну как раз в тот момент, когда фигурка выходила из арочного проема. Юлька... Юленька...

– Ты чего, Леша? – непонимающе хлопала глазами Вера Николаевна. – Вспомнил что-то?

– Да так... Не обращайтесь внимания, тетя Вера. Вспомнил, да. О чем мы, то бишь? А, про коммунальные услуги... Не услуги это, тетя Вера, ясак. Ну, как во времена монголо-татар брали, просто так.

Звонок в прихожей затренькал часто и нетерпеливо – как обычно, Юля не ограничилась однократным нажатием на кнопку.

– Ну здравствуй... – карие, с теплой золотистой искрой глаза близко-близко. Запах духов, и водопад каштановых волос, в которых так легко утонуть... так хочется утонуть...

– Устала?

– Немножко...

Она змейкой выскользнула из дубленки – несмотря на конец марта, не рисковала покуда одеваться в пальто, бронхит никому не нужен – скинула ботики, прошла на кухню.

– Здравсьте, тетя Вера. Дядь Сережа...

– Здравствуй, Юленька, здравствуй.

Рассаживались за столом неторопливо. Вчетвером на кухне было тесновато, но так уж устроен русский человек – в тесноте привычно ему, главное, чтобы не в обиде. Юля принялась расспрашивать гостей, умело гася горькие воспоминания и тягучие паузы, отвлекая и ни словом не упоминая о завтрашнем процессе. Психолог, что скажешь...

– Сороковины скоро, – внезапно сказал Сергей Михайлович. – Где будем?..

Пауза.

– У нас, – вздохнула Юля. – Где же еще? Вот там, в зале, и стол поставим.

Она выставила перед собой ладошку, предупреждая вопросы и возражения.

– Только спасибо не говорите, дядь Сережа. И вы, тетя Вера. Спасибо нам не за что. Был бы жив Володька... тогда имело бы смысл.

– А тогда никто ничего и не знал бы, – медленно проговорил Сергей Михайлович. – У меня отец, как помните, на фронт не молоденьким попал, я уже в школу ходил... Рассказывал одну историю. Ехали они, значит, к линии фронта, и уже под Ельней где-то развернули вдруг их, и полным ходом назад. Кто, что, непонятно... Это потом уже поняли, что немцы прорвались, и потому приказ дан, занять оборонительные позиции... Бардак был полный, отец вспоминал, и потому командир артполка ихнего, в нарушение инструкций, приказал погрузить ящики со снарядами прямо на платформы, где орудия закреплены были. Потому как опыт горький уже имелся, когда батареи разворачивали на позициях, а снарядов не подвозили, и встречай немецкие танки голой грудью... или другим местом, как сумеешь. А так, стало быть, можно даже с платформ стрелять, при крайней нужде, зенитки 85-мм расчехлить не особо трудно. А утро уже настает, и вдруг пара «мессеров», откуда ни возьмись. Видимо, были и такие асы, что в темноте взлетали. Ну, шум, моторы воют, стрельба... Они пару раз по составу прошли из пулеметов, по ним из винтовок да ручных «дегтяревых», да из «максимки» счетверенного, что на тендере паровоза стоял – орудия и расчехлить не успели... В паровозный котел не попали, или не пробило его по касательной, ну и разошлись, недовольные друг другом, как батя говорил... Немцы улетели, в общем, эшелон дальше двинулся и через полчаса прибыл на станцию Сухиничи, где и предписано было занять оборону. А потом, как начали разгружать боеприпасы, отец глядь – а в ящике, на котором он сидел всю дорогу, дыра. И внутри, аккуратно между чушками-унитарами, лежит неразорвавшийся маленький такой снарядик, от авиапушки. Щепок наломал, гильзы чуток покорежил и застрял... И все это время не подозревал отец, что на смерти верхом едет...

Помолчали.

– Все так, дядь Сережа, – первой нарушила молчание Юля. – Несвершившееся видеть не дано людям. Как правило.

Она встретила взглядом с мужем, и Алексей увидел то, что не было досказано вслух. Как правило, люди не верят, что незримая маленькая холодная ящерка, бегающая по спине, может представлять серьезную опасность для большого, очень и очень умного человека, либо близких его.

Ну так пусть пеняет на себя, раз такой большой и умный.

* * *

– Встать, суд идет!

Народ зашевелился, недружно вставая, и мордастый верзила в клетке тоже грузно поднялся. Сейчас, когда гражданин Чушмо был трезв, его морда приобрела даже некоторое подо-

бие человекообразности. Впрочем, раскаянья в глубоко посаженных свиных глазах искать было бесполезно – на морде этой почти печатными буквами значилось: «сколько дадут?»

Прокурор принялся зачитывать деяния подсудимого, но Алексей не слушал. Для него как раз все было яснее ясного. Зло, оно ведь не ходит по земле само. Его повсюду разносят носители того зла. Вот такие, к примеру, как этот Чушмо... впрочем, их много разновидностей. И каждый несет кому-то горе, поскольку сам чувствовать чужую боль не способен.

– ... Свидетель Обдергаева, где вы находились в момент совершения гражданином Чушмо данного преступления?

– На кухне, на кухне я находилась, энтот паразит же у меня уже в тот раз картошку с мясом поел всю! – затараторила бабенка неопределенного возраста, одетая в какой-то нелепый лапсердак с вытянутыми карманами. – И в этот раз собирался никак! Ничего на кухне оставить невозможно! Один вот только и был приличный сосед, и вот... – бабенка сочла уместным разок всхлипнуть, очевидно, в память о приличном соседе. В памяти Чекалова всплыло: «Фосгеном бы их травануть, всех соседушек скопом, такая шелупонь подобралась... Не хочется огорчать родную милицию».

Прокурор и адвокат задавали вопросы, гражданка Обдергаева отвечала. Гладкие казенные обороты речи причудливо перемежались с визгливым неграмотным говором, какой уже непросто встретить в Москве даже в самых грязных норах – все-таки языковая среда великого города нивелирует дремучие диалекты, телевизор все смотрят... Процесс шел своим чередом, судья и помощники, прокурор и адвокат откровенно скучали, отрабатывая свои номера. Вероятно, приговор уже вынесен, подумал Чекалов, сейчас эта тройка удалится на совещание и будет пить чай-кофе под бла-бла-бла на житейские темы, а потом огласит подписанную бумагу... Никому не интересен скот, именуемый гражданином Чушмо А. В., и его дальнейшая судьба. Как, впрочем, неинтересен и потерпевший Белоглазов. В. С., на свою беду столкнувшийся в узком коридоре со скотом, буйным во хмелю... Бытовое убийство, каких море. Скучно, господа...

– ... По совокупности преступлений... путем частичного сложения... к двенадцати годам лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима... приговор может быть обжалован...

На морде гражданина Чушмо читалось, как на экране – «эх... как неудачно я влип... с ножом да на ментя, вот и вышло по совокупности... а так бы дали восемь... а там условно-досрочно можно, этак лет через пять... а теперь хрен условно-досрочно выйдешь, больше червонца... все водяра паленая, чего мешают туда эти буржуи...»

– Подсудимый, вам предоставляется последнее слово!

Верзила встал, как школьник, которого учитель застал врасплох.

– Так... а чего говорить-то? Ну, это... не хотел я... Простите...

– Я тебя не прощаю, – хрипло проговорил Сергей Михайлович. – Будь проклят.

Подсудимый неловко повел плечом... ну, папан егонный, ясен пень, чего со старого надо-то...

Народ уже расходился, двое конвоиров выводили осужденного, надев для пущей убедительности «браслеты». На секунду-другую они оказались совсем рядом.

– Я тебя не прощаю, – внятно, отдельно произнес Чекалов. – И сделаю так, чтобы ты понял это.

* * *

Аденин-гуанин-тимин...

Чекалов обессилено откинулся на спинку стула. Нет, это немыслимо... Дальше так нельзя. Тупая «Энигма»... Каменный топор неандертальца, вот что это такое. Теперь уже ясно – у Бога был совсем другой инструмент.

Алексей тяжело поднялся, направляясь на кухню. Налив воды из-под крана, поставил чайник на плиту, чиркнул спичкой... Вот тело его само знает, что нужно хозяину – нервные импульсы бегут к нужным мышцам, те сокращаются... ровно настолько, насколько нужно... и вот уже чайник на плите. Более того, тело и далее осуществит все необходимые операции почти автоматически – достанет банку с «кофейным напитком», отсыплет в турку, зальет кипятком... или заварить сегодня чай? Можно и чай, тогда алгоритм несколько изменится... заварник сполоснуть кипятком, засыпать чаек, залить кипятком опять же... бабу-грелку вязаную сверху взгромоздить... алгоритм изменится, а так ничего больше...

Он судорожно сглотнул, боясь спугнуть ощущение, которое знал очень хорошо. Как будто прогибается под напором ветра незримое стекло, огромное, делящее мир на «непонятно» и «вот же оно, как просто»...

Незримое стекло рухнуло, рассыпаясь на миллионы осколков. Вот же оно... Как просто...

Он устремился в комнату, на ходу отшвырнув некстати подвернувшийся пуфик, схватил авторучку и принялся черкать в тетради. Вот, вот оно... это должно быть так... и никак иначе... все? Да, похоже, все.

Чекалов разглядывал записи, проверяя – не напетлял ли. Да нет, похоже, все верно. Дальше работа для грузчика, как говаривал Володька – составить программу, вылизать, и вот уже трудяга «пентиум» предвосхищает, как именно нужно строить белковые цепочки...

Еще один шаг от обезьяны к Богу.

Чайник на плите засвистел, давая знать хозяину, что дальше процесс заваривания чая-кофе самостоятельно не пойдет, и требуется все-таки хозяйское участие. Возвращаясь на кухню, Чекалов поставил незаслуженно обиженный пуфик на место, и даже погладил – не обижайся, ну бывает, не нарочно я...

Он щедро заварил и чай, и кофе. Во-первых, заслужил, во-вторых, Юля все равно этот суррогат не любит, так что чай ей самое то будет... Ох, блин!

Алексей вновь стремительно вернулся в комнату, цапнул коробку «Имуды». Что за день сегодня такой, все бегом...

– Юля, Юль... Ты где?

– С работы выхожу, – немедленно откликнулась рация, словно жена держала ее в руке, наготове.

– Я встречу на остановке!

– Хорошо.

Торопливо одеваясь, Чекалов помотал головой – совсем заработался, ученый... Завтра же сорок дней справлять по Володе, а дома чай-кофе, в основном. Перекладывать такую ношу, в буквальном смысле нелегкую (это сколько надо закупить провизии!) на плечи родной жены?

Холодная ящерка вдруг пробежала по спине – точь-в-точь как тогда. Да что же это такое?!

Алексей затравленно оглянулся. Нет, шалишь... Больше он не намерен игнорировать неясные сигналы. Кто предупрежден, тот вооружен... вот только о чем?

Взгляд упал на стоявшую в углу прихожей трость, которую Юля звала «военно-конверсионной». Она стояла там уже пару лет, и до последнего времени о ней почти не вспоминалось. На излете существования СССР какому-то технологу или дизайнеру какого-то трубного завода пришла в голову мысль – наладить выпуск товаров народного потребления из подручного материала. Изделие поражало строгой функциональностью – просто кусок трубы из прочной и упругой нержавеющей стали, изогнутый конец которой, одетый в пластиковую оболочку, изображал собой рукоять тросточки. При этом молчаливо подразумевалось, что наш советский

инвалид-пенсионер могуч и неутомим, как Геракл, поскольку изделие если и уступало весом средних размеров лому, то совсем немного.

Чекалов усмехнулся. А может, тот дизайнер был вовсе не так глуп. Может быть, он уже предвидел, насколько круто завернет в ближайшем будущем «злая реальность», и втайне жалел, что не может оснастить свое творение нормальным затвором... Во всяком случае, Алексей приобрел эту трость именно по совокупности боевых качеств – изделие стоило на порядок меньше какой-нибудь новомодной бейсбольной биты, и в то же время позволяло вполне открытое ношение, в отличие от прочего холодного оружия.

– Это я, – нажав кнопку рации, хрипло произнес Алексей. – Юля, ты... ты не выходи пока.

– Не поняла... – удивленным Юлькиным голосом откликнулась «Имула»

– Я тебя у самого входа встречу.

– Проблемы? – голос стал озабоченно-напряженным.

– Ящерка, – просто ответил он. Юлька поймет...

– Хорошо. Жду.

Чекалов решительно подхватил конверсионную трость. Вот так. Кто предупрежден, тот вооружен. Жаль, конечно, что нет затвора... и магазина хотя бы патронов на пять... но все лучше, чем ничего.

На улице дул неровный, порывистый ветер, свистевший в голых ветвях тополей и кленов, и у Алексея вдруг возникло стойкое ощущение дежа вю. Он даже головой помотал. Нет, нет... тогда еще был февраль, снег кругом... а сейчас снега нет, только грязные лужи... что же ты затихла, ящерка-вещунья?

Чекалов вдруг осознал, что идти к остановке кратчайшим путем, через арку соседнего дома, ему вовсе не хочется. Вот не хочется, и все тут. Он повернулся и решительно зашагал в обход.

Всю дорогу Алексей напряженно ждал подвоха, однако ящерка вела себя прилично, по спине не бегала и вообще... Интересно, очень интересно... Значит ли это, что скрытая угроза таилась там, под аркой? И он, прислушавшись к своим ощущениям, элементарно обошел ее стороной? Ладно, рано загадывать...

Юля дисциплинированно ждала его в вестибюле учреждения. Раз было сказано, не выходить, она и не выходит.

– Все нормально? – взгляд напряженно-внимательный.

– Пока да.

– Может, домой?..

– Не... Давай как задумали, по торговым точкам. Ну правда, не сейчас... я дома попытаюсь объяснить.

Жена, покосившись на боевую трость, вздохнула, взяла его под руку.

– Я ничего не чувствую, Лешик. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Во время шопинга Чекалов все время прислушивался к своим ощущениям, но ящерка себя никак не проявляла – в отличие от трости-лома, кстати, здорово мешавшей переносить полные авоськи. Интересно, очень интересно... А Юля вот в этот раз ничего не ощутила. Значит ли это, что угроза касалась его лично?

И вообще, можно ли уйти от карающего меча судьбы?

При подходе к дому Алексей напрягся до предела, но ничего не почувствовал. Оставалось только предположить, что за время шатания по магазинам источник угрозы, таившейся под аркой либо где-то рядом, исчез. Навсегда? На время? Очень, очень интересно...

Он позволил себе расслабиться лишь тогда, когда железная дверь прихожей с лязгом отсекала их от лестничной площадки.

– Ну здравствуй... – выдохнул он, с наслаждением опуская на пол тяжеленные сумки-пакеты и с еще большим удовольствием отправляя в угол ломообразную тросточку.

Карие, с теплой золотистой искрой глаза близко-близко. Запах духов, и водопад каштановых волос, в которых так легко утонуть... так хочется утонуть...

– Рассказывай, Лешик. Подробно.

* * *

– ... Ну вот, примерно, так и живем. Звонарев в «Газпром» подался – утверждает, что через несколько лет там самые хлебные места будут. Элеонора в переводчицы к какому-то иностранцу, тоже неплохо...

За окном багровым пламенем горел закат, пока еще вполне споривший с электрическим освещением в квартире. Гости, два бывших научных сотрудника бывшего НИИ, почтившие память сослуживца, уже воспитанно допивали компот – неперенный атрибут поминок. На сороковины пришли, правда, не все из тех, кто был на похоронах, лишь шесть человек выкроили время. Еще побывали соседи по подъезду, алкашья парочка да старый дед, проживавший напротив дверью и оттого счешший долгом посетить... Ну и гражданка Обдергаева, от одного вида которой у Чекалова сводило скулы. К счастью, после третьей полновесной стопки сорокаградусной ее разморило, и гражданка поспешила откланяться. Ладно... Надо терпеть.

Сергей Михайлович сидел за столом, с рассеянным видом, даже не пытаясь изобразить интерес к разговору. Вера Николаевна, та вообще ушла на кухню, помогать хозяйке в хлопотах. Выглядели старики неважно – несмотря на приглашение Чекаловых приехать заранее и ночевать прибыли они лишь рано утром. Как понял Алексей, дядя Сережа не слишком любил оживленное движение, поэтому выехал из деревни аж в два часа ночи. Шесть часов за рулем, по российским ночным дорогам...

И вновь он почувствовал странное раздвоение. Какая-то часть Чекалова поддерживала беседу, передвигала тарелки и прочее, в то время как другая... Нет, непосильная это задача, не потянет одинокий «пентиум» новую программу... назовем ее покуда «Энигма-М»... А если разделить? Да, точно, распараллелить, разбить на блоки... ведь каждый ген в геноме можно просчитывать отдельно, потом лишь провести корреляцию... пожалуй, можно обойтись и без суперкомпьютера...

– Слушай, Стас, а тот... как его... Ананян, что ли... он свалил или по-прежнему помещение арендует?

– Когда я уходил, был вроде, а сейчас не знаю... А что?

– Так, просто вспомнил.

Гости наконец откланялись – поздно, благодарим... да, жаль, очень жаль Владимира Сергеича... эх, какой парень был... До свидания!

– Ушли? – Сергей Николаевич смотрел в окно, где багровый закат уже вытесняли густые синие сумерки. – Ушли... А на годовщину, небось, и вовсе не придет никто?

Он обернул лицо, и глаза у него были совершенно сухие.

– Память человечья, что круги на воде, Леша... Спасибо вам с Юлечкой. Пожалуй, поедем мы. Вот сейчас приберем здесь все, со стола-то, и в путь...

И вновь знакомая ящерка пробежала холодными лапками вдоль позвоночника.

– Неа... Не поедете, – в дверях кухни возникла Юля, полотенце перекинуто через плечо. – Я дверь запру, дядь Сережа, и ключ за лифчиком спрячу. Надо? Я сделаю.

– Ха! Хм... – старик покрутил головой. – Решительно, прямо скажем... Слышь, Верунь? Подождет корова?

– Беспременно подождет, – поддержал супругу Алексей. – Сегодня же кто-то доил ее?

– Ну... соседка...

– Ну вот и еще разок подоит. Дядь Сережа, без обид – ты на себя в зеркало глянь. Вторую ночь без сна да за рулем... Вас с тетей Верой хоронить, об нас с Юлькой подумайте, раз о себе нет заботы.

– Ладно, ладно! – Сергей Михайлович поднял руки на манер военнопленного. – Поживем еще, уговорили!

* * *

Тьма вокруг колыхалась, вязкая и в то же время неосязаемая, холодная, как осенний туман. Тьма бормотала невнятными голосами, и нельзя было разобрать ни единого членораздельного слова. Зато смысл вполне можно было понять: «Похоже, ты все еще не уговорился, человек. Придется помочь. Надо? Я сделаю»

– ... Сережа! Сережа! Господи, да что же это... Леша, Юленька!

Горчаков вынырнул из пучины сна, хватая ртом воздух. Юлька уже накидывала халат поверх комбинации – надела-таки, неудобно при гостях, вдруг увидят...

Сергей Михайлович дышал тяжело, глядя в потолок одним осмысленным глазом. Второй был остекленевший, рыбий.

– Лешик, скорую! – Юля извлекала на свет домашнюю аптечку. – Инсульт, похоже...

Все дальнейшее происходило словно какими-то урывками, будто состояло из видеоклипов. Заспанный, усталый голос на том конце провода... «сколько лет... адрес... ваш телефон... ждите, бригада едет...» Юлька, всаживающая в руку старика иглу одноразового шприца... «да скоро ли они?!» Звонок в прихожей, люди в белых халатах, кардиограф, тарелка с обломанными ампулами...

– ... Вы кем ему приходиться? Сын? – врач явно мучился без курева, Чекалов ощущал это кожей.

– Племянник, – не стал вдаваться в подробности Алексей. Ему все равно, доктору, вот сигаретку бы, другое дело...

– А... Ну а вы, бабушка? Жена?

– Жена... – Вера Николаевна всхлипнула.

– Ага... В общем, так. Инсульт, притом обширный. Надо срочно в больницу. Вы с ним поедете? Одевайтесь тогда.

Тетя Вера всхлипнула дважды.

Спустя три минуты потрепанный «рафик», включив мигалку, отъехал от подъезда, увозя в своем чреве пациента и сопровождающую. Алексей стоял и смотрел вслед. Тьма вокруг была холодной, сырой и вязкой. Кругом громоздились угрюмые туши домов, и ни одного горящего окна, надо же... Три часа ночи. Когда Зло властвует над землей безраздельно.

Ему вдруг сделалось так жутко, что и не передать. Ощущение, что во всем этом городе они остались вдвоем. Он и Юля...

Она немедленно прижалась к его боку, зябко кутаясь в наспех накинутое пальто. Почувствовала... Юля, Юлечка...

– Надо было дать тетей Вере рацию. От Володи которая осталась... Не сообразила я.

– Позвонит по телефону. Завтра подвезем.

Пауза.

– Трудно будет, Леш.

– М?

– После обширного инсульта, бывает, по полгода лежат. А они здесь не прописаны. Ох, дядя Сережа...

* * *

– Вах, какие люди!

Господин Ананаикьянц прямо-таки излучал восторг, с такой силой, что на секунду Чекалов усомнился – возможно, они близкие родственники?

– Рад видеть, Гарик Ашотович. Как ваш бизнес? Вижу, вижу, фирма процветает...

– Да нэ жалуваемся, никак нэ жалуваемся... Па дэлу?

Глаз алмаз, отметил про себя Алексей, бизнесмен... Нет, так не пойдет. Нельзя с ходу признаваться, вредно для дела.

– Да, зашел тут кое с кем повидаться, бумаги кой-какие забрал вот... – для пушей убедительности Чекалов продемонстрировал кипу бумаг, действительно взятую в уцелевшем покуда общем отделе, с целью использования в качестве обертки при покупках.

– Э, какие такие тэпэр бумаги! – открыто рассмеялся Гарик. – Слюшай, тэпэр одна бумага в цэнэ – эзелая, с партрэтом...

– Тоже верно, – улыбнулся Алексей. – Но, поскольку тех бумажек печатать я пока не могу, приходится заниматься этими. С целью дальнейшей конвертации в зеленые.

– Ха! Думаэш, выйдэт?

Вот поди ж ты, как устроены восточные люди, внутренне развеселился Чекалов. Сейчас же на «ты» перешел... Принцип «уважения априори» этим людям неведом. Спроси-ка у него сейчас насчет работы, вообще мгновенно Лехой станешь, а он так и останется Гариком Ашотовичем, притом на «вы». И работать придется за копейки, кстати. Нет, так не пойдет.

– Нет, не сейчас. Сейчас время глухое, не подходящее. Сейчас, Гарик, надо переждать, пока пена осядет. Ну не вечно же такой бардак будет длиться.

Он улыбался широко, по-американски.

– А нет, значит, велкам ту Америка делать придется. Или, на худой конец, в Канаду. Там, как оказалось, русские мозги в цене. Но с пустыми руками туда ехать без толку.

– Гм... – вот теперь господин Ананаикьянц взирал на гостя с уважением. – Лублу лудэй, мыслящих на пэрспэктиву, слюшай... Проблэма мало-мало есть, – без перехода изменил он тему беседы. – Парэн, который после тэбя был, савсэм ныкакой спэц, слюшай. Толко коробки картон открыват... коробки я сам могу открыват, зачэм дэнги тратыт! Погнал я его. Слюшай, у тэбя врэмья ест? Займешься, пока в Канаду-Амэрику нэ уехал?

– Гм... – Алексей изобразил задумчивость, перерастающую в неподдельный интерес. – А что? Опять компьютеры?

– Угу.

– Это я могу. Ха, вот не знаешь, где найдешь...

– Потому и спросыл, – рассмеялся Гарик. – Думаю, сэйчас уйдет, ничэго нэ сказав, другой мэсто искат будэт...

* * *

– ... И все-таки жаль, что у тебя нет прав. Машина под окном, а мы на метро тащимся. Алексей только вздохнул.

– Все равно без доверенности толку-то...

Народ в вагоне стоял плотно, кто-то входил, кто-то выходил. Юлия стояла, прижимая к себе пакет с вещами и продуктами – передача для больного – и Чекалов, оберегая жену, изображал собой живую распорку, прочно ухватившись обеими руками за верхний поручень и слегка расставив ноги.

– Следующая станция Кунцевская, – возвестил динамик, и Алексей принялся пробиваться к выходу.

– В самый час пик попали...

– Угу... А еще и на автобусе ехать...

Городская клиническая больница, числившаяся под №071, куда «Скорая» увезла Сергея Михайловича, располагалась на Можайском шоссе, в стороне от станций метро, и ближайшая автобусная остановка находилась в трехстах метрах. Если молодым здоровым людям добираться туда было просто хлопотно, то для Веры Николаевны...

Автобус подкатил, по обыкновению щедро разбрызгав грязь из обширной лужи. Вот интересно, всплыла посторонняя мысль – отчего это на подавляющем большинстве остановок общественного транспорта непрямым атрибутом является лужа?

– Теть Вера с утра в больнице, – сообщила Юлия, цепляясь за мужа, чтобы не упасть при движении.

– Как дядя Сережа?

– Вот сейчас узнаем. Все же не так плохо, что его в семьдесят первую... Отделение нейрореанимации не везде имеется.

– Остановка Багрицкого! – басом сообщил динамик над дверью.

Покинув наконец транспорт, они зашагали к корпусу, куда поместили Белоглазова-старшего. Юлия озабоченно хмурилась, плотно сжав губы. Да уж... Скверно, ох, как скверно все выходит...

– Вы к кому? – молодая, но уже слегка утомленная жизнью дежурная медсестра сидела за столиком, вертя в руках авторучку на манер пропеллера.

– Белоглазов, Сергей Николаевич. Вчера поступил.

– Белоглазов... В реанимации он, молодые люди. Нельзя.

– Там с ним жена, тетя Вера, – Чекалов незаметно подсунул под казенного вида журнал – очевидно, регистрации – большую шоколадку, на четверть кило. Как знал, приобрел деликатес.

– Только в бокс не входите, – сестричка смахнула презент в ящик стола. – В коридоре переговорите с вашей тетей. А это вы никак больному?... – в глазах дежурной протаяла ирония, явно вызванная медицинской безграмотностью посетителей. – Ему сейчас капельницы вместо обеда, завтрак и ужина.

– Да... это больше для тети Веры. Ему разве что сок, если доктор не против будет.

В коридоре было пусто, только где-то невнятно перекликались голоса. Подойдя к двери реанимации, Юлия осторожно приоткрыла дверь.

В палате, кроме Белоглазова, находились еще два пациента, и все трое были увешаны трубками капельниц. Возле постели Сергея Николаевича сидела понурая старушка, и у Алексея защемило сердце – за эту ночь и день Володькина мать, казалось, совсем усохла.

– Теть Вера... – негромко позвала Юлия.

Вера Николаевна, выйдя в коридор, плотно прикрыла дверь.

– Ну как?..

– Плохо, – у нее задрожали губы. – Врач говорит, шансы пятьдесят на пятьдесят от силы...

Пауза.

– Тут еще один вопрос возник... Леша, с тобой врач поговорить хотел.

– А? Ага... Вы тут побудьте, я сейчас, – Чекалов даже обрадовался где-то в глубине души, что появилось некое дело. Потому как очень уж тяжело было смотреть в глаза тети Веры.

Доктор оказался в кабинете один, черкал что-то в бумагах.

– Разрешите?

– Да-да... Вы ко мне?

– Я по поводу Белоглазова.

– А... ага... Простите, как вас?..

– Чекалов, Алексей Борисович.

– В общем, вот какая картина вырисовывается, Алексей Борисович. Лежать, как вы понимаете, ему придется долго. Очень долго. А прописка у него не московская. Если при советской власти это бы еще как-то, то нынче... в общем, вы меня понимаете, я полагаю. Из клиники его придется выписывать, переводить в районную больницу... или что там у них, в деревне – здравпункт? В общем, это будут просто сильно затянувшиеся похороны, если совсем прямо.

– Понятно... – Алексей пошарил по карманам, выуживая всю наличность. К счастью, ее оказалось не так уж мало. – Доктор, я вас попрошу. Надо как-то решить проблему.

– Хм... – врач с сомнением рассматривал купюры.

– Ну нет у меня долларов. Не заработал пока.

– Ладно... – док тяжело вздохнул. – Но учтите, Алексей Борисович, проблему этим вы не решили. Просто отложили немного.

* * *

Грязь чавкала под ногами. Небо, еще недавно голубовато-белесое, на глазах наливалось мутным багрянцем, в темных прожилках облаков, приобретая отчего-то сходство с сырым мясом. Глаза бы не смотрели на все это...

Настроение было подавленное. Юля, шедшая рядом, попыталась улыбнуться – улыбка вышла бледная, насквозь искусственная. Действительно, нет никаких поводов для улыбок.

Вера Николаевна осталась дежурить у постели мужа, причем, как ни странно, доктор практически не возражал. «Скажем прямо, у нас ночных сиделок катастрофически не хватает. Так что не проблема, лишняя кушетка у стены...»

– Юля, Юль...

– М?

– Я с тем Ананик... черт, фамилия... ну, в общем, с Гариком сегодня переговорил. Человек ему нужен. Компьютерами заниматься. Предпродажная подготовка и все такое...

Ящерка пробежала вдоль хребта, цепляясь холодными лапками, и Чекалов резко встал.

– Юль... ты ничего... не чувствуешь?

Выражение глаз под мохнатыми густыми ресницами в быстро густеющих сумерках увидеть было уже невозможно, но голос выдал тревогу.

– Значит, ты тоже почувствовал... – ни малейших вопросительных интонаций. Просто констатация факта.

Она достала из сумочки газовый пугач, но Алексей покачал головой.

– Погоди... давай постоим...

Темные бетонные ящики громоздились вокруг, таращась одинаковыми светящимися квадратами окон. Впрочем, это только на первый взгляд они одинаковы... Вон те окна, источающие матово-зеленый свет – очевидно, зеленые шторы – были тихи и умиротворенны. И из этих вот лился медово-янтарный свет, спокойный и счастливый. А вон те окна светятся как-то истерично... наверное, хозяйка на грани скандала... А вот это одинокое окно – куб страха и тоски...

И только темный провал арки, под которой им предстояло пройти, смотрел, словно дуло пистолета. Хочется тебе туда идти, гражданин-господин Чекалов? Врешь, совсем даже не хочется тебе туда идти...

– Пойдем-ка, – Алексей решительно направился вдоль стены, шагая по бетонным плитам отмоксти. Юля, умничка, не задав ни единого вопроса, молча двинулась следом. Хватит... Один раз не прислушались к мудрой ящерке, и вот результат.

Крюк вышел изрядный, и еще пришлось перебираться через ободранные трубы тепло-трассы, проложенной открыто. Но ящерку, видимо, такой маршрут вполне устроил, поскольку бегать по спине она прекратила.

– Нормальные герои всегда идут в обход... – пробормотала Юля, осторожно ступая по вязкой свежееоттаявшей почве.

– Чего?

– Да... просто так... Был такой детский фильм, там пели эту песенку.

– Я вспомнил, – Алексей улыбнулся. – «Айболит-66». Там еще Быков-Бармалей в болоте утоп. Думаешь, мы тоже?..

Жена тихонько засмеялась, и Чекалов почувствовал, как стальные клещи, сжимавшие сердце, ослабили свою хватку.

Железная дверь с лязгом захлопнулась, отсекая их тихий домашний мирок от злобной реальности.

– Ну здравствуй... – он зарылся в ее волосы, вдыхая восхитительный запах.

Губы, от которых невозможно оторваться. И нет ничего больше – все Зло Вселенной осталось там... по другую сторону...

– погоди, Лешик... Тебе не кажется, что нам неплохо бы наконец разобраться? Я имею в виду неясные ощущения.

– Не сейчас... вот только не сейчас...

* * *

Ночник, как всегда, светил спокойным мягким светом, изгоняя тьму из спальни. Шторы на окне были плотно закрыты, отсекая тьму, скопившуюся снаружи.

Юля лежала на его плече с закрытыми глазами, отдыхая, густые ресницы чуть трепетали. Чекалов чуть улыбнулся. Пусть... Пусть бессильно пялится тьма за окном. Никакая злобная реальность не в состоянии устоять против этого, как против ядерного оружия.

Не удержавшись, он легонько погладил жену по щеке кончиками пальцев. Юля вздохнула, с улыбкой потерлась о его плечо.

– Спасибо, Лешик... Вот ты есть, и мир наполнен смыслом.

Алексей губами коснулся ее лица. Правы глазик... левый... носик...

– Аналогично...

Пауза.

– Знаешь, я сейчас будто подводная лодка, лежащая на грунте. Как не хочется всплывать, ты бы знала...

Она вздохнула, открывая глаза.

– А придется... Давай вернемся к нашим баранам, как говорил Володя. Это я насчет ощущений.

Ее глаза под мохнатыми ресницами смотрят прямо в душу.

– Ты можешь смеяться, Леша. Но мне отчего-то кажется, за нами идет охота. Только охотник тот не обладает разумом, и оттого действует на человеческий взгляд нелогично. Отчего мы и не осознаем, что охота уже началась. Набор роковых случайностей, не более того... Невезуха, черная полоса – да мало ли эпитетов...

Пауза.

– Примерно так действует иммунитет в организме. Никто не развешивает плакатов «Отечество в опасности» или «их разыскивает милиция», никто не пишет приказов и не составляет план мероприятий... А в итоге так получается, что данный микроб гибнет. Или даже не сторонний микроб-возбудитель – к примеру, участь переродившейся, раковой клетки обычно печальна...

– Мы с Володькой типа раковые клетки?

– С точки зрения пресловутой «злой реальности» – да.

Ее глаза задумчивы и мудры.

– Ведь вы задумали ни много ни мало переродить этот мир. И тогда та самая «злая реальность» умрет. Перестанет быть злой... Поэтому она защищается, как может. Неосознанно, точно елка, заливающая смолой жука-короеда, пытающегося прогрызть ход.

Алексей думал так, что казалось – в голове гудят мозги, точно перегруженный трансформатор.

– Любая система, сохраняющая стабильность, обязательно должна иметь механизмы, обеспечивающие ту стабильность... – медленно, точно в трансе, пробормотал он. – Устраняющие внешние и внутренние возмущения...

– Ну вот видишь, – Юлия чуть улыбнулась. – Что значит ученый человек. Враз сформулировал.

– Однако идея не нова. Читала «За миллиард лет до конца света»? Известная вещь братьев Стругацких...

– Ты удивишься, но читала, – вновь полуулыбка. – Писатели, они чувствуют, Лешик. Им этого вполне достаточно. А вот ученому мало. Он должен понять, как это работает. Сам механизм.

Алексей все-таки сдержался, не хмыкнул. А и нечего хмыкать... Она права. Этот мир материален, и все сущее в нем имеет какой-то материальный носитель. Надо искать.

– Я не знаю, где искать, – честно признался он. – Это не расчет по логарифмам – взял исходные и паши себе... Озарение нужно, не иначе.

– Тогда давай спать, – вздохнула Юлия. – Все польза.

Алексей вновь поцеловал жену, заботливо прикрыл одеялом.

– Ты спи, спи... Я сейчас...

– Опять в тетрадку?

– Ну а как иначе? Мысли, не занесенные на скрижаль, имеют свойство улетучиваться...

* * *

Грязь чавкала под ногами. Небо, еще недавно голубовато-белесое, на глазах наливалось мутным багрянцем, в темных прожилках облаков, приобретая отчего-то сходство с сырым мясом. Глаза бы не смотрели на все это...

Темные бетонные ящики громоздились вокруг, тарашась одинаковыми светящимися квадратами окон. Впрочем, это только на первый взгляд они одинаковы... Вон те окна, источающие матово-зеленый свет – очевидно, зеленые шторы – были тихи и умиротворенны. И из этих вот лился медово-янтарный свет, спокойный и счастливый. А вон те окна светятся как-то истерично... наверное, хозяйка на грани скандала... А вот это одинокое окно – куб страха и тоски...

И только темный провал арки, под которой им предстояло пройти, смотрел, словно дуло пистолета.

Однако трусить перед любимой женой недостойно мужчины. И мужчина, презрев неприятный холодок – словно ящерка бегающая вдоль позвоночника – решительно устремляется в разверстый зев арки. Молодая женщина послушно идет за ним – он мужчина, защитник, он решает... ну мало ли, что там чувствует спина...

Дальше все происходит быстро. Свет фонарика в лицо... радостно ощеренные обезьяньи хари...

Он проснулся, хватая ртом воздух. Ну надо же... Вот как. Вот так, значит... Действительно, как просто. Шайка шпанят, промышляющих мелким грабежом, поскольку все хлеб-

ные места, скажем, на рынке, заняты солидными пацанами-рэкетирами. Или наркоманы, остро желающие ширнуться... Неважно. Важно, что потенциальный возбудитель, грозящий самому существованию злобной реальности, будет ликвидирован на корню. Как короed, залитый смолой. Как Володька. И не надо никакой мистики разводить – обычное совпадение, граждане. Тот гражданин Чушмо ни разу не был знаком с этими ребятами, так что всякое совпадение случайно и непреднамеренно.

Или это все-таки просто сон? Ночной кошмар, не имеющий связи с реальностью? Нервные потрясения, связанные с последними событиями, вполне реально докатиться до невроза...

– Ты чего? – Юля сонно хлопала глазами, глядя на мужа, выбирающегося из постели.

– Спи, спи... я сейчас...

Строчки ложились в тетрадку ровно. Мысль, занесенная на скрижаль письменами, это уже не невнятные ощущения. Записанная мысль бессмертна... в отличие от ее владельца.

– Леш, я все-таки спрошу... – Юля смотрела из-под своих мохнатых ресниц грустно и тревожно. – Ты не съедешь с катушек? Вот так, просто и элементарно.

Алексей ответил не сразу. А что? Тоже вариант. Ничем не хуже шайки шпанят или наркоманов. Или грузовика с пьяным водителем. А где-то даже и гуманней. Вот, смотрите, человек жив, улыбается, смачно кушает кашу, послушно глотает таблетки... И никакой отныне опасности для злобной реальности не представляет.

– Я все-таки попытаюсь, – твердо, без улыбки произнес он.

* * *

– Вах! Зачѐм сразу всё распечатал?

– Для экономии времени. Прогнать комп, это же два часа как минимум. А если сбой программы где, то еще и разбираться надо, и все по-новой. Это ж сколько мне сидеть, если с каждым отдельно?

– Ну, тѐбѐ виднѐй... Потом двѐр запрешь, сыгнализацыю включыш, мѐнѐ позвоныш...

– Да все сделаю, не беспокойся. Если понадобится, по второму кругу прогоню. В общем, неисправная машина клиентам не уйдет, гарантия.

– Вѐрю, вѐрю... Ха! – Гарик покрутил головой. – Как ты кинул вашѐго дыректора бывшего, Сан Стѐпаныча...

– Где же кинул? – изобразил полную невинность Чекалов. – Комп работает? Работает. Документы все печатает. А больше там и не надо ничего. И потом, сам к тому компьютеру сроду не подходил, как помнится, его ж Зинуле-секретарше поставили. Они и рюхнулись только через год, и то случайно.

– Да-да! – засмеялся Ананикьянц. – Как жѐ... Падарыл, к прымѐру, тѐбе кто-то «мѐрсѐдѐс». А кто-то замѐнил мотор, от «Запорожца» поставыл... Как?

– Ну и прав будет, – Алексей улыбался так широко, как это вообще было возможно. – Нафига козе баян, а мѐнѐсу «мерседес»? Мне лишь бы колеса крутились, и хватило бы. Это вашему брату-бизнесмену непременно «мерседес» нужен. От погони уходить хорошо, в случае чего.

– Ладно, ладно, – теперь Гарик улыбался совсем ласково. – Там ужѐ нѐ мое дѐло было, аппарат какой надо был выдан. Кто обслуживает, тот отвечает. Здѐс такой фокус-покус, сам панимаѐш...

– Я так сильно похож на идиота? – счел возможным оскорбиться Чекалов. – Давай тогда сейчас все запакуем, да и пошел я домой. И ключ мне зачем доверяешь, от греха заberi.

– На идыота ты нѐ похож, – возразил Ананикьянц. – Ты похож на чѐловѐка, одѐржымого скрытой идѐей. Рады которой ему своя голова – тьфу. Все, я ушел, работай!

Оставшись один, Алексей только головой покрутил. Верно говорят, и шила в мешке не утаить, и Земля, она всегда круглая. Вот, пожалуйста, всплыло... Кстати, у русских людей нетвердое знание русского языка инородцами нередко вызывает неоправданный «синдром чукчи» – дескать, ну что с него, чурки, взять, он и говорить-то толком не умеет, лопочет кое-как, где уж тут ждать мудрых мыслей... А зря. Восточные люди часто умны и проницательны. Порой даже сверх меры проницательны.

Компьютеры, расставленные в ряд на всех столах, один за другим запускались, довольно урча, заглатывали дискеты, экраны высвечивали заставки «по умолчанию». Алексей вновь вздохнул, разглядывая «сведения» – быстро, быстро растёт-развивается вычислительная техника... Давно ли его «пентиум» был чуть ли не писком моды, для России, считай, почти демонстрационный образец. А сейчас уже зауряд, ничего особенного. Вот эти ящики заметно покруче будут. Ладно... Сейчас это на руку. Чем мощнее, тем лучше.

Он выложил на стол две коробки дискет, заготовленных на сегодня. Справятся ящички? Должны... Но сперва, разумеется, надо поставить Windows и прочее. Хотя для его «Энигмы-М» это ни к чему, лишний груз в памяти – Гарик платит деньги не за его «скрытую идею», а за нормальную предпродажную подготовку «железа».

– Але, это я, – заговорила в кармане рация голосом, который не могли исказить никакие помехи.

– Да, Юль... – и сердце привычно дало сбой.

– Все хорошо?

– Пока да. Работаю.

– И я скучаю по тебе, – просто ответила «Имула». Алексей сглотнул. – Ладно, пока!

Против ожидания, проверка, программная обвязка и настройка дюжины компьютеров заняла не два, а все четыре с половиной часа, так что когда он звонил из вестибюля – в помещении, арендованном Ананикьянцем, телефона не было – руки уже слегка дрожали. На бумажке были крупно начертаны аж четыре телефонных номера, поскольку бизнесмен мог быть по делам в разных местах.

– Да, слушаю, – отозвалась трубка по первому из оставленных номеров.

– Гарик?

– Я.

– Ну я сделал.

– Всё исправны?

– Все.

– Хорошо. Сигнализацию ставь, ключ потом отдашь. Как будет другой партия, я тебе позвоню.

Ай, молодец, восхитился Чекалов. Сделал дело – гуляй нах!

– Про деньги забыл сказать, – не слишком вежливо напомнил он.

– Э... Другой заказ придёт, сразу получишь. Мнэ сэйчас ехат твой бывший контора нэт времья.

– Хорошо, – коротко ответил Алексей, кладя трубку. Ладно... Деньги, конечно, Гарик заплатит. Но вообще-то не только, и не столько ради денег он взялся за эту работу.

Первый комп заглотил дискету, на экране тотчас возникла знакомая крутящаяся спираль. Вторая дискета, третья... последняя. Теперь все компьютеры работают во славу науки. Двенадцать новеньких «пентиумов», это сила... Вот только хватит ли времени? Алексей глянул на часы – ого, уже час дня! А в шесть часов все крыло будет обесточено вахтером.

Оглядев еще раз батарею компьютеров, усердно переваривавших задание, он вытащил из внутреннего кармана заветную тетрадь. Ладно... Попробуем и мы поработать. Вдруг придет в голову стоящая мысль?

Он криво усмехнулся, вспомнив вчерашние события. Да, и этот сон еще... Докатился бывший научный сотрудник – сны записывает в тетрадку, словно дореволюционная барышня.

Время лениво текло, «пентиумы» негромко урчали, работая во славу науки, а он сидел и тупо смотрел в тетрадку. Время от времени приходилось отвлекаться, вмешиваясь в процесс, проверять промежуточные результаты, но все-таки «Энигма-М» не требовала неусыпного внимания, как старый вариант. Рутинный процесс, осознанного вмешательства почти не требующий... Кстати, по такому принципу устроены все живые системы, и человек в том числе... Крохотные участки в лобных долях больших мозговых полушарий, где расположено самосознание – сама человеческая личность – не так уж сильно загружены, если разобраться. Особенно у большинства граждан, к такой нагрузке и не стремящейся. Остальная часть процессов происходит либо автоматически, либо просто скрытно, неосознанно...

Что-то щелкнуло в голове. Вот. Вот оно. Ну конечно. Автоматизм, рефлекс и прочее – это для подсознания. А есть ведь еще процессы, неосознанные, но отнюдь не автоматические. Да то же озарение – разве можно их смешивать с примитивными рефлексами и инстинктами? А ведь смешивают. Потому как не отличают подсознание от надсознания. Все, что не осознано – к подсознанию! А как же иначе?

Сразу всплыло – Юлькины глаза под мохнатыми ресницами... «Откуда-то оно приходит, и все. Думаю, и у вас с Володькой примерно так же, только вы, как мужчины, самоуверенно относите это к продукции собственных мозгов. Типа как компьютер вычислил... Верно, мозги тут имеют значение, и даже очень большое, но только ли они?»

Чекалов схватил ручку и принялся торопливо черкать в тетради. Задан конкретный вопрос – откуда оно приходит? Нужен столь же конкретный ответ. И если невозможно получить его прямо, то есть такое понятие, как косвенные признаки-улики. Значит, так... Первым делом следует проверить обоснованность беготни той ящерицы по спине. И этот сон, скажем так, в руку. Неведомая угроза, таящаяся в подворотне? Выяснить и доложить!

– Але, ты где? – Юлин голос из коробки «Имулы», и сразу стало тепло.

– Я все работаю, в конторе, – ответил он виновато.

– У... А я размечталась, муж меня встретит... – она вздохнула. – Ладно, работай, труженик мой.

Ящерица резво промчалась по спине.

– Юля, Юль...

– М?

– Я встречу. Ты только дождись.

Короткий смешок.

– Рабочий день у меня, считай, закончился. Не заморачивайся, я сейчас в клинику, тетя Вере передачку, и потом домой...

– Дождись, говорю. Час всего.

Пауза.

– Уверен? – ее голос стал напряженным.

– Да.

Пауза.

– Хорошо, жду.

Ящерица, убедившись, что хозяин с пониманием отнесся к ее беготне, затихла. Интересно, очень интересно... Кто предупрежден, тот вооружен... чем?

Взгляд наткнулся на лежащий в нише стола массивный бинокль. Чекалов вытянул его за шнур, служивший для навешивания на шею, и хмыкнул. Надо же, какими приборами занимается Гарик. Ночной бинокль, трехкратный... ну да, вроде бы, для приборов ночного видения и это немало. На аппарате успел скопиться приличный слой пыли. Заказчик не забрал? Или взято по случаю, подешевке у кого-то из военных – вдруг потом продать удастся...

Решение созрело само собой. Ночное виденье – это как раз то, что нужно. Надо только Гарика спросить...

Компьютеры все же справились с заданием до момента обесточивания рабочих помещений, где-то в половине шестого. Сохранив результаты на дискетах, он старательно потер все следы и принялся отключать «пентиумы» один за другим.

– Вах! Какие люди! – господин Ананикьянц собственной персоной стоял в дверях. – Трудовой энтузиазм, да? А когда звонил, сказал – всё сделал...

А скажем-ка мы почти чистую правду, мелькнула мысль. Успокоим подозрения пронизательного восточного человека.

– Так я и сделал, – улыбнулся Чекалов. – Просто, скажем так, воспользовался вычислительными мощностями, раз все равно под руками. Чего им впустую в коробках стоять... Есть у меня наработки, которые на одном домашнем компе потянуть сложно. Это чтобы не с пустыми руками в Канаду, в случае чего.

Гарик смотрел задумчиво-изучающе. Глаза их встретились.

– А если нельзя, ты так и скажи. Нет проблем. Тогда придется мне ночным сторожем в ВЦ идти. Благо там мощности у них сейчас простаивают.

– Э... Да ладно! – махнул рукой Ананикьянц. – Мнэ что, раз приборы работают... Дэнги тэ жэ... Нэ возражаю, корочэ.

– Ну и славно, – с облегчением вздохнул Алексей. – Да, слушай, а что это за?.. – он показал на ночной бинокль. – Интересно. Не ночной?

– Прибор ночного видения, он и ест...

– Тоже торгуешь?

– Да нэ, так заваялся... Одын алкаш, прапорщык, задаром почты отдал...

– Можно, я возьму?

– Приобрэсты желаешь, да? – Гарик засмеялся. – Бэры, вэщ нужная в хозяйствэ. Только я нэ прапорщык, даром нэ отдам!

– А сколько?

– Тэбэ со скидкой, пятьсот баксов.

Алексей присвистнул.

– Круто... Боюсь, жена резко не одобрит. А взять посмотреть, если даром? На пару ночей, а потом верну.

– Бэры. Всэ равно так лэжит, пыль собираэт. Ты давай, пакуй аппараты, я за нымы и заехал! Четыре сэгодня бэрут...

* * *

– ... Гарик, хитрый жук. Так ведь и не расплатился, сделал вид...

– Ну, может, денег наличных нет у него.

– Может, и нет... А вернее всего, сообразил, что у меня кроме денег важнее интерес. Однако, если будет тянуть волюнь, придется с ним расставаться, как ни жаль. Пойду в ВЦ...

Они шли по весенней улице и болтали. Непонятно отчего, Алексея буквально толкнуло выйти за пару остановок. И вообще, сегодня дела шли не так плохо. Сергею Михайловичу стало немного легче – сказала интенсивная терапия. Правда, расходы на лекарства и прочее окончательно опустошили скудный бюджет семьи Чекаловых, заставив раскупорить стратегическую заначку – четыреста долларов, свернутых в трубочку и засунутых в укромное место. Однако Алексей полагал, что господин Ананикьянц все же не станет рисковать потерей новообетенного ценного работника, и рассчитается в ближайшие дни.

– ... Я так есть хочу, слушай. Придем, макароны с тушенкой сделаю, – Юля ловко перепрыгнула ямину на асфальте.

. Чекалов резко остановился, и жена буквально споткнулась, судорожно уцепившись за его руку.

– Какой ужас...

Он не ответил. Остановка, где они обычно покидали общественный транспорт, выглядела, как после бомбежки. Сильно покореженный ЗИЛ-130 валялся на боку, кругом сновали люди. Рядом стояли две машины «скорой помощи» и милицейский УАЗ.

– Идет охота на волков... – Чекалов сглотнул. – Идет охота...

Они не сговариваясь свернули за угол. Всякие вопросы потом... Сейчас важно осознать, наконец, отбросив всякие глупости насчет «случайных совпадений» – идет охота. Система иммунитета злобной реальности, слепая и беспощадная, ищет их, чтобы устранить. Так лейкоциты стягиваются к месту воспалительного процесса, пусть пока скрытого.

Небо сегодня сияло бледным золотом – хороший вечер, тихий и мирный... Вот только от улучшившегося было настроения не осталось и следа.

Ящерка, как обычно, возникла ниоткуда. Пробежалась по спине и была такова.

– Опять... – Юлия смотрела во все глаза. – Что же это такое, Леша?

А впереди зияла дулом пистолета темная арка. Точно так, как вчера. И совсем не так, как еще недавно. Вот как... Вот так, значит. Обложили меня, обложили...

И вновь они пробираются окольным путем, перелезая через ободранные трубы тепло-трассы. Нормальные герои всегда идут в обход. Держитесь подальше от торфяных болот, особенно если зло властвует кругом безраздельно.

Дверь, как всегда, отсекала их уютный дом от злобной реальности.

– Ну здравствуй...

Она медленно подняла глаза, бледно улыбнулась.

– Ты извини, Лешик, сегодня это звучит фальшиво. Надо думать, как жить дальше, вот что. Реальность – не компьютерная стрелялка.

Ужинали молча. Жуткая сцена на остановке стояла перед глазами. Юлька права, права на все сто.

Итак, что мы имеем в минусе. Черная полоса, она же невезуха... можно долго изоцряться в подборе эпитетов, факт остается фактом – идет охота. На него, на Алексея Чекалова, а также по совокупности достается родным и близким. Причем, что характерно – пресловутая злобная реальность бьет по площадям. Нагляднейший пример тому сегодняшняя авария.

А что мы имеем в плюсе? Да, кое-что имеем... Спасибо тебе, славная маленькая ящерка. Уже который раз выводил из-под удара... И этот вещий сон еще. Может, не зря молится втихую Юлия? Спасибо Тому, Кто Нас Бережет...

Однако, что же делать?

Чекалов подошел к окну, из которого отлично была видна проходная арка. Значит, так... Это будет первый пункт. Надо разобраться.

– Ты куда? – Юлия смотрела на него тревожно.

– Маленький научный эксперимент, – успокаивающе улыбнулся Алексей, одевая куртку. Извлек из угла «военно-конверсионную» трость. – Надо же выяснить, что за чудо-юдо таится под той аркой.

Он повесил на шею тяжелый бинокль, взятый у Гарика напрокат, сунул в карман газовый пугач. В другой опустил коробку «Имуды». Проверил, как работает маленький пальчиковый фонарик. Присесть на дорожку еще не хватает, мелькнула ироническая мысль. Большое дело задумал товарищ, во двор выйти...

– Ты не бойся. Я очень, очень осторожно.

Сумерки уже сменились полноправной ночью, однако в Москве ночь никогда не бывает по-настоящему темной. Чекалов постоял во дворе, издали вглядываясь в темнеющий провал арки. И ничего похожего на дуло пистолета. Обычная проходная арка, лишенная фонаря...

то есть когда-то он был, но его, естественно, разбили, и в связи с наступлением нынешней калиюги восстанавливать никто не думает.

В бинокль ночного видения картина выглядела совсем иначе. Окна сияли ослепительно, но умная военная электроника успешно справлялась с засветкой. Алексей осторожно подошел поближе, так, чтобы можно было видеть арку на просвет, навел прибор...

Пусто. Никого.

Помедлив, он двинулся в разверстый зев. Ящерка вела себя смирно, бегать по спине не пыталась. Интересно...

Ночной бинокль не соврал – под аркой не было ни души. Как не оказалось и ничего необычного. Обычный грязный асфальт, стены, исписанные какой-то невнятной похабщиной... Алексей выключил фонарик. Все понятно. На сегодня охота окончена. Приходите завтра, молодой человек... ну или послезавтра... в общем, следите за сообщениями мудрой ящерицы.

Юля сидела на диване, поджав ноги.

– Фокус не удался, – Чекалов чуть улыбнулся, отвечая на невысказанный вопрос. – Ужасное чудовище, таившееся во мраке, утомилось и отправилось баиньки.

– Что ж... – вздохнула жена. – Давай и мы последуем примеру.

* * *

Зыбкая тьма колыхалась вокруг, невнятно бормотала на разные голоса. И слова были разные – русские, английские, испанские... наверное, даже китайские. Но смысл был один.

«В этом мире ты не нужен. Мне ты не нужен. Такие, как ты, мешают»

Там, во сне, у него шевельнулись волосы.

«Твое существование недопустимо. И будет прекращено»

И тут он почувствовал злость.

«Аналогично»

«То есть?»

«Твое существование будет прекращено»

«Уж не тобой ли?»

«Мной»

Издевательский шипящий смех.

«Смело. Ты хорошо подумал?»

«Я все-таки попытаюсь»

Снова издевательский смех.

«Попытка не пытка, ты полагаешь? Так вот – в этом ты не прав»

Воздух вокруг уже был страшен своей нечеловеческой, непереносимой густотой... сколько же тут атмосфер, не меньше дюжины, мелькнул в мозгу обрывок мысли... не то, не то!

«Это совсем несложно. Инсульт, ведь мозг-носитель твоей сущности так хлипкок... просто кисель... А может, лучше инфаркт?»

И тут он почувствовал силу.

«А ну прочь!!!»

Рывок! Он будто всплывал к поверхности из океанской глубины, ледяной и темной. Еще! Еще чуть...

Взрыв в голове!

... Звезды, как много звезд над головой. Острые, немигающие, такое могут видеть лишь космонавты, наверное... постой... это что же получается?

Круглится громадным шаром планета. Теперь он не сомневался – человек может летать. Пусть во сне... но ведь может!

Взрыв в голове!

Гигантский диск Галактики, сияющий многими миллиардами звезд. Особенно много их в ядре, они роятся, словно пчелы, вокруг центрального коллапсара... Если приглядеться, можно увидеть эту самую «черную дыру» – место, откуда ничто и никто не возвращается, где не действуют привычные вселенские законы... Откуда он все это видит? Как он это все понимает? Потом, потом!

Взрыв в голове!

Он висит в абсолютной пустоте, в самом центре гигантского войда, этой вселенской сверхъядейки, стенки которой сотканы из мириад галактик. На сотни миллионов световых лет вокруг – ни одной звезды... Здесь нет ничего привычного, и даже вездесущие протоны космических лучей сюда почти уже не залетают... Потом, потом... Дальше!

Взрыв в голове!

Некоторое время он разглядывает светящуюся мелкаячистую губку – именно так выглядит Вселенная с точки зрения стороннего наблюдателя. Способного выйти за все пределы.

Взрыв в голове!

Наверное, именно так выглядел тот самый Большой Взрыв, породивший Вселенную...

Он даже рассмеялся, там, во сне. Надо же, как все просто... Кто бы мог подумать, как все просто... Вся Вселенная вот она, на ладони – простая и понятная. Чего тут может быть непонятного?

Летят сквозь космос стремительные протоны, разогнанные в галактических магнитных полях, этих природных ускорителях невообразимых размеров, до чудовищных скоростей, очень близких к скорости света. Но в силе их таится и их же слабость. Они слишком прямолинейны, эти протоны, они чересчур полагаются на свою чудовищную энергию, свою немеряную силу... Влетая в атмосферу планеты, они идут напролом, сокрушая на своем пути атомы и ядра разного азота-кислорода, порождая целые ливни вторичных частиц. И если даже кому-то удастся достичь тверди, то только для того, чтобы там и погибнуть.

Летят во всех направлениях фотоны, для которых скорость света уже родная, единственно возможная – они не могут жить иначе, чем летя со скоростью света, поскольку они сами свет. Их нельзя остановить, не убив. Что ж, и такое бывает в этом мире и этой жизни – только люди, ничего не понимающие в смысле жизни, пожмут плечами и бросят презрительно: «фанатики!»

А вот и неуловимые нейтрино скользят сквозь пространство. Вот пример всем протонам-фотонам, как надо жить – спокойно, тихо и незаметно скользить мимо, не вступая ни в какие ненужные взаимодействия... Эти нейтрино пройдут везде, они пролетят сквозь земной шар, не заметив, и само Солнце для них прозрачней стекла...

Но и нейтрино этим далеко до тахионов, которым скорость света не верхний, а нижний предел. Вот уж кто действительно неуловим и вездесущ... Они даже не имеют реальной массы, те тахионы – только мнимую. И чем больше теряет тахион энергию, тем сильнее разгоняется. В сто, тысячу, миллион раз быстрее света! Конечно, и их разгону есть предел – тот квантовый барьер – но как он невообразимо далек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.